

Фёдор Быханов

Алый снег Абервальда

Пролог

...Удавка все время рвалась...

Скрученная из видавшего лучшие времена бельевого сатина, наполосованного с простроченного края грязноватой тюремной простыни, она совсем не годилась для уготованной ей роли орудия убийства. Несмотря на все усилия палачей, никак не хотела намертво затянуться на мощной жилистой шее приговоренного к смерти.

Вот и теперь поддавалась сопротивлению, на радость, не желающей умирать, человеческой плоти. Затрещала от вздувшихся шейных мышц обреченного.

Но это облегчение длилось, всего лишь считанные мгновения.

И вновь все пересилил страх перед смертью того, чье тело продолжало извиваться большим серым червяком. В «коконе» под путами из других простыней, не менее плотно спеленавших по рукам и ногам все туловище обречённого на расправу человека.

Кто другой, на его месте, давно бы, наверное, уже смирился, как прекрасно понимали участники

криминального аутодафе — исполнения неизвестно кем, вынесенного смертного и явно несправедного приговора:

— Не стал бы, дескать, продлевать свои мучения, противясь, уготованной ему, страшной участи.

Но этот все не хотел умирать. Продолжал упорно елозить по бетонному, крашенному серым, полу камеры, не давая убийцам затянуть петлю ненадёжнее на его шее.

— Фуфло! — грязно выругался на блатном языке, неудачливый исполнитель казни, когда в его руках вновь остался лишь очередной обрывок удавки.

— Лучше грабками брать на душеч! — сам себя попытался он научить способу расправы, а так же хриплым баском апеллировал к остальным, чтобы повлияли на организатора всего происходящего.

Отбросивший в сторону кусок порванной простыни, выставил перед собой корявые, все в наколотых перстнях, пальцы.

— Удавить его и ажур! — не скрывая ненависти, прорычал он, видя, как, захрипевший, было, в агонии коренастый тучный мужчина из простынного кокона, вдруг вновь ожил и забарахтался у него под ногами.

С всхлипыванием, через нос, втягивая в себя

затхлый, но такой, все же, живительный сейчас обреченному, воздух камеры. Заклокотал гортанью, вновь, уже в который раз, освободившись от, лопнувшей матерчатой закрутки.

Оставшись в очередной раз ни с чем, палач угрожающе — с полной готовностью тут же исполнить высказанную им вслух угрозу, занёс над горлом ненавистного упрянца свои расшеперенные «грабки».

В предвкушении кровавой забавы шевеля сильными пальцами, прирождённого взломщика сейфов, он даже не поленился на использование иной, более жестокой, расправы с жертвой голыми руками.

— А что? За душеч его! — донеслось до обречённого от хозяев положения. И это заставило его снова сделать безуспешную попытку освободить руки и ноги от пут.

Однако, простыни, рвавшиеся на шее, здесь плотно стягивали конечности несчастного, словно действительно подталкивая убийц к принятию ими иного, чем прежде, приговора.

— Идем на темную, без понтов! — снова во всём поддержал своего подельщика другой уголовник, до той поры, пытавшийся, сидя верхом на обречённом, удержать того от ненужного буйства.

— Молчи! — рыкнул на него взломщик.

От избытка чувств он смачно плюнул под ноги, туда, где лежал человек, срок жизни которого измерялся теперь всего лишь длиной фразы другого очевидца — старшего по уголовной иерархии в их компании, способного подать сигнал:

— Иначе, гунявого гузыря, этот мешок падали, до самого утра не укопает, — оборвал хрипатый своего помощника.

— Кончай базар! — не повышая голоса, наконец-то, прекратил их самодеятельность тот, от авторитета которого больше всего зависела сейчас участь ещё будущего самоубийцы, ещё только уготованного к столь тяжкому заклятию.

Главный из уголовников, хотя и совсем недавно предъявил здесь «на киче» полномочия авторитета, но уже и без крика мог бы добиться точного исполнения «миссии» — задуманного им, убийства обреченного без надежды на помилование, сокамерника.

Но было видно, что и ему надоела излишне затянувшаяся процедура расставания того с жизнью.

В ответ на обращение к нему, взмокших от усердия неумелых в мокром деле лохов, он даже понизил хриплый шепоток.

Лишь его худое, с набухшими от злости желваками, лицо скривила саркастическая усмешка:

— Давай, гнус, подержись, как ботаешь, за

машинку! — зашипел он, в азарте брызгая слюной.

Другим, в этот момент могло показаться, что худой готов лично вцепиться в горло человека, лежащего на бетонном полу.

Но, на самом деле, всё было совсем не так просто. Да и эта, довольно живописная сценка, что он только что разыграл им на пальцах незадачливый палач, тут же обернулась, вдруг, против самих подельников, предлагавших не водиться с удавкой, а голыми руками удавить несчастного.

— Ага, пускай, падла, твои шkodливые агальцы, сейчас на пищаке нарисуются и сделают дело, — гнев авторитетного сокамерника адресовался именно основному исполнителю-душегубу. — Вот только докажи потом ментам, что околеванец сам себе склеил боты.

Худой, словно войдя в раж, чуть ли не вращал бешеными глазами, уставившись ими в тех, кто готов был только что провалить надёжный замысел:

— Кто поверит потом, что издох, клиент, без чужой помощи!

Двое других, ошарашенных таким злобным выражением чувств, уже готовы были пожалеть о проявленной ими несдержанности. Заодно, начали и о чем-то догадываться, внимая столь жестким, как будто, рубленным из напильника, фразам:

— Грабками не берут на хомут без несчастья, — зло кривился на них наставник этой пары душегубов, — Давно пора запетрить очевидное!

Худой и далее втолковывал им прописные истины криминалистики, без знания которых было просто невозможно добиться успеха в начатом мероприятии.

— Или желаешь пойти в амбалы для отмазки? — задал он явно риторический вопрос сокамернику, явно не желавшему такой доли, когда за промах, без помощи общака впрягут новый срок?

Не получив ответа на свою крикливую «феню» — тираду, мастерски исполненную на уголовном жаргоне, он грубо сплюнул под тачанку — откидную кровать, на которой всё это время молча сидел, только своим внешним хмурым видом, проявляя явное неудовольствие.

Но, как оказалось, это его невмешательство в процесс «самоубийства», продолжалось лишь до поры, до времени. До конца не высидел и он, просто наблюдая, как унижают уважаемое прежде ремесло мокрухи во всём подчинённые ему, но такие неумелые подручные.

И вот когда те принялись «за самодеятельность», не оговорённую за пределами камеры настоящими организаторами акции, его терпение окончательно прорвало:

— Нашлись советчики.

Он обвел всех, уже чуть успокоившимся взглядом, в котором, между тем, словно бы проскользнула искра озарения.

— Нам здесь такой гладиатор нужен, чтобы и след подозрения не сыскали, — в ином разговорном ключе, но с прежней долей блатных слов, имея в виду мнимого самоубийцу, продолжил худой. — Иначе не свалить нам в итоге, верного мокряка на суицид.

В свою очередь тот, кто лежал у них под ногами и оком вёлся спор, всё ещё не мог прийти в себя от петли. Он дышал тяжело, со свистом, издавая из-под кляпа протяжные стоны.

Только и в этом положении, судя по всему, обречённый понял быстрее подручных исполнителей воли худого авторитета истинный смысл всего того, что только что произнес пахан. Потому, что, уже не так яростно, как прежде, подавал признаки жизни.

И вообще, пленник, лежавший в простынях на полу, как будто умерил свой прежний пыл сопротивления, с некоторым трудом, но всё же уяснив для себя только что «ботаное» вожаком.

Зато главарь, как всем тут же стало ясно, человека, связанного по рукам и ногам, названного только что гузырём, в расчет вообще не брал. Ему было важнее тут же, не отходя «от кассы»,

проучить непутёвых помощников. Ради чего он готов был, возможно, пожертвовать даже драгоценным временем, выделенным камере на расправу.

Но так продолжалось недолго. Совершенно внезапно, не делая перехода от одного настроения к другому, худой перешёл с прежнего громкого крика на чуть слышный шепоток.

Извлекая главное условие из-под своих оскаленных, коричневых от чифиря, острых зубов, он на распев произнёс:

— Полоса должна быть, обязательно, — для понятливости и про блатной жаргон забыл, желая достичь цели. — Должен остаться чёткий след от петли на шее.

Мудрёные слова, для пущей наглядности, были тут же им лично и проиллюстрированы, к тому же довольно красноречиво — ребром ладони по хрящеватому, гладко выбритому кадыку.

Очень даже решительным жестом из тех, про какой в этих местах говорят, что, мол, на себе «мокруху» не показывают.

Только худому оратору сейчас было вовсе не до того, как на него со стороны посмотрят остальные.

— Иначе никак не повесить краснопузым сопли на уши, — продолжал он своё, несколько мудрёное для других, поучение. — Должны мы

сейчас сделать всё так, мол, тут сокамерники не причем.

И изобразил благостное выражение на лице, как будто перед ним стоит вертухай, а не убийца с обрывком удавки:

— Даже и не слышали сквозь сон, гражданин начальник, как он рвал паруса и давился через шпонку...

Слушатели теперь и между собой не спорили, не говоря уже о возможных возражениях авторитету, прекрасно понимая, что заботится он именно о них самих. Ведь от своего личного участия в происходящем на бетонном полу он-то отгородился надежнее некуда:

— Потому, что не было его здесь никогда и обратное не докажешь!

Да и как иначе, прекрасно знали подручные, что для всех остальных, не посвящённых в события, происходящие с ними, якобы в другом крыле изолятора худой басино давно «ухо давит». Спит, мол, после «отбоя» в своей, полностью избавляющей от общения с внешним миром, одиночной камере в конце коридора следственного изолятора.

Оттуда, на самом деле, к ним, он пришел только что, буквально с началом осуществления покушения.

При этом без каких-либо помех миновал все

решетчатые и прочие «с глазками» двери. Да и что было париться самому, когда их замки перед важным заключённым ловко открыл продажный каклюшный — нёсший смену в эту ночь на объекте, сотрудник следственного изолятора.

После чего, уже совсем незаметно, этот прапорщик внутренней службы, больше привыкший к другому воровскому подобному «титулу» — вертухай, исчез отсюда. Но не далеко протопал, а лишь затем, чтобы занять самое удобное место, встав на стремя у поворота в это крыло СИЗО.

Так, с помощью дежурного контролёра, купленного когда-то давно и за дорого, авторитет и мог выполнить сегодня то, что от него потребовали «с воли». Вот и выходило, что траты на подкуп, выделенные из «общака» были не напрасными и совсем не случайно, а для личного контроля над всем процессом «укорачивания языка», басино появился здесь в точно намеченный срок.

Пришёл ни раньше, ни позже, а именно тогда, когда эти два непутёвых бесагона, предварительно оглушив, уже проворно опутывали простынями свою бутузую жертву.

Но дальше у них процесс разладился. Петли рвались одна за другой. Вот и пришлось вмешаться в него, более опытному в таких делах, настоящему мастеру «затыкания не нужных ртов»,

каким на деле был пришлый в камеру.

Его советами пренебрегать было опасно даже самим нынешним палачам, потому они преданно слушали, что им говорит, и как даёт распоряжения гость в их камере, чтобы выполнить всё в точности, как будет велено.

— А сейчас, отчини ему, пожалуй, паяльник, — категоричным тоном велел басино, проявляя тем самым свою незаурядную предусмотрительность. — Позволь немного подышат, этой плешивой паскуде.

И добавил, оправдывая сам себя в глазах остальных:

— Не то, как бы ни дал, прямо сейчас, околеванец, дуба, не откинулся до поры, до времени!

И еще раз разлепил тонкие «в ниточку» губы для очередной команды, предназначенной не только для подельников:

— Фраер, надеюсь, все понял?

Злорадно ухмыляясь прямо в лицо несчастного, он высказался ещё страшнее, давая тому понять, что всякое сопротивление бесполезно и лишь обернётся дополнительными страданиями.

— Небось, не запоешь для шухеру?

Тот лишь бессильно вращал глазами, пытаясь привлечь внимание своего главного палача, вошедшего, между тем, в самый настоящий раж.

— Да и кто поможет? — злое лицо приобрело выражение, способное навести страх на самого смелого и мужественного человека, а не только такого, кто уже был готов бросить всё на волю судьбы. — Попробуешь заорать, лишь исчавкаем с долгими муками, а так — чик и готово!

Гостю из другой камеры и теперь перечить здешние «аборигены», и в малой мере не посмели. Освободив рот, лежащего под ним сокамерника от, заслюнявленного, изжеванного, в ходе борьбы за жизнь, бумажного шара, жестокий урка нашел ему иное применение.

Метко выбросил липкий «снаряд» в другой конец камеры. Где этот былой кляп из рулона мягкого туалетного пипифакса, не подвёл меткача. Сделав дугу, попал прямо в центр «эстрады», где хлюпнул в ржавой воде канализации.

Такое меткое название «эстрада», и здесь, как и в других камерах, вполне подходило железному унитазу, зацементированному в небольшое возвышение справа от входной железной двери.

Сама дверь была в тот момент не только плотно прикрытой, но и оказалась с тщательно задвинутым, с надзирательской стороны, смотровым глазком. Что позволяло, всем трем строителям, расправы чувствовать себя в закрытом помещении вполне свободно и безнаказанно.

— Ты, ведь и вправду «петь не будешь»,

фраерок? — участливо поинтересовался
руководитель казни у, совершенно
обескураженного всем с ним происходящим,
кандидата в самоубийцы. — Все одно — укопаем!

Раздался надтреснутый хохоток:

— Уроем, как бы ты не трепыхался, «елочка
зеленая»...

Точно опознанный, как бывший военный, тот,
однако, и без угроз понимал, что ему теперь не
приходится рассчитывать на чью-либо помощь.
Заодно он догадался и о том, каким образом и
зачем, только что, как из-под земли появился здесь
этот их четвёртый — «лишний» сокамерник?

Учащённо, всё грудной клеткой,
отдышавшись, после вынутого изо рта, пусть и на
время, бумажного кляпа, поверженный здоровяк и
действительно, как ему советовали, кричать и звать
на помощь не стал.

Зато он выбрал, как оказалось, совсем другую
линию поведения, прежде, совершенно не
входившую в планы злоумышленников.

Человек, лежавший на полу камеры, поднял
свои, заслезившиеся глаза прямо на худого чужака
— старшего в шайке. Затем, явно торопясь не
упустить свой единственный шанс на предсмертное
слово, просипел своим сорванным петлями голосом
такое, то вряд ли ожидали, убийцы, соорудившие
тем временем для него из простыни, новую, более

надёжную удавку.

— Дайте сказать!

Время у него было.

Так как для восстановления очередной удавки, уголовники использовали те же самые, вновь сращенные друг с другом, более крепкими, чем прежде узлами, обрывки сероватого ситчика. Судя по всему, надеясь, что теперь-то петля так просто не порвется снова на шее поверженного военного, готового им сказать что-то важное.

Получив, с таким трудом выпрошенное у сокамерников, право говорить, «елочка зелёная» — бывший военный, тут же им и воспользовался. Едва окончательно отдышавшись, он прямо заявил совсем чудаковатое, не только для простых уголовников, но и для их лидера:

— Дай сказать, пахан?

Худой, явно проявил интерес к такому, столь неожиданным для себя, оборотом событий, так как изучающе наклонился к жертве.

— Тебе же, гадёнышу, намного будут выгоднее, сначала меня выслушать, а потом «мочить»! — донеслось до него с пола. — Обеспечишь «по-царски» до конца дней и себя, и своих подонков.

Последнее определение обошлось ему сначала в крепкую зуботычину, обернувшуюся затем ещё и болезненным приложением затылка об пол.

— Что такое? — сначала инстинктивно нанеся удар, потом уже и на словах вспылал, только, было, подобревший, собеседник.

Но воткнуть другой рулон бумаги вместо кляпа в рот бранившегося, как этого захотел, его подручный уркаган, тому не позволил.

— Пусть, ёлочка зелёная, балаболит, — забыв про нанесенную ему только что обиду, удивленно велел своим людям предельно строгий и безгранично властный басино. — Недолго ему осталось небо коптить...

Прежде избитый им, узник, но прощенный, таким образом за свою дерзость, увидев, что убедил-таки мучителей к нему прислушаться, не заставил их долго ждать со своими откровениями.

Глотая окончания слов, он заторопился:

— Желаете разбогатеть?

Худой ещё раз руку на него поднимать не стал и услышал от начала, и до конца то, что так не хотел, молча уносить с собой в могилу и, кому пожелал оставить на земле свой мстительный привет, «без пяти минут» покойник:

— Тогда посчитаетесь с тем, кто меня сюда упрятал...

Глава первая

Сегодня напоминание о горах и туристских

тропах для Сергея Калуги пахли самой обычной плесенью.

— Вот, уж точно, «отблагодарить» следует, отоварить прямо в лоб, недотёпу, — себе под нос ворчал парень на своего сменщика.

Гневался он не без причины.

Вчера тот, окаянный, беспечно принял, у каких-то шалопаев, как и сам, такое добро, что сегодня требовало немедленного спасения.

Это были, давно промокшие и уже поддавшиеся тлению в своих капроновых чехлах, «казённые» палатки и спальные мешки из их «Пункта проката».

Усугублялась ситуация тем, что недобросовестная группа туристов, вернувшая накануне в столь плачевном состоянии свое снаряжение, была довольно многочисленной.

— Хотя и без единого настоящего туриста, — оценил Калуга. — Не коли среди них дельного завхоза, кто бы мог позаботиться о сохранности, взятых на время, клубе туристов, альпинистов и горнолыжников, вещей для проведения загородного похода.

Потому, когда принял смену и учуял горьковатый плесневелый дух, исходящий от кучи, внешне вполне благопристойных, упаковок, Сергей сам принялся в срочном порядке исправлять создавшееся положение.

Действовал он теперь по старому проверенному принципу, выраженному короткой фразой:

— Лучше поздно, чем никогда!

Начал с того, что вытащил наружу из подвального складского помещения все это, едва не пропавшее окончательно имущество. И уже на свежем воздухе аккуратно принялся переделывать то, в чем виноват был исключительно приемщик!

Хотя и казнил себя при этом в душе, за то, что поддался на уговоры приятелей, путем такой сверхурочной подработки, «прихватить» к выходным дням еще и понедельник на, так манившую к себе, богатым клёвом и общением с друзьями, рыбалку.

И вот теперь, пойдя ты, отыщи тех балбесов, которые, без зазрения совести, свои непосредственные служебные заботы свалили на него, буквально прорыбачившего на берегу, с поплавковой удочкой всё «Царствие небесное».

И всё же сложилась смена не так уж плохо.

Повезло уже в том, что это «авральное» утро выдалось, как и полагается ранней осенью, да еще в разгар бабьего лета — ясным, светлым, сухим и безветренным. К тому же, никакие облака не мешали в этот час лучам солнца исполнять свои привычные функции — заливать теплом внутренний дворик их старого, еще

дореволюционной московской постройки, здания. Того самого, что с незапамятных, для Калуги времен, занимает в уголке старого Замоскворечья столичный Клуб любителей путешествовать на природе.

...Между тем, дело понемногу продвигалось.

Развешанные на капроновых веревках-репшнурах, туго натянутых от стены до стены каменного периметра, многострадальные спальные мешки и палатки постепенно теряли былую схожесть с помойкой.

Если сначала они густо парили усыхавшим на глазах, бледным налётом, то потом заметно посвежели. Особенно, когда просохнув, были хорошо и основательно выбиты деревянным древком от альпенштока.

В ходе этой довольно простой, но исключительно действенной процедуры удалось заодно осыпать с восстанавливаемого инвентаря на асфальт двора последние остатки еловых колючек и пыль уничтоженной плесени.

Вот за таким, не совсем приятным, занятием и застала парня их вездесущая бухгалтер — Любочка Дедова, спустившаяся сюда вниз с «инструкторского» этажа особняка, где у нее был свой кабинет на правах не только ответственного и уважаемого счетного работника, но и, даже по совместительству, личного референта самого

директора клуба.

Тучная поклонница бродяг всех мастей и столь же отрицательно относившаяся к лишней суете, теперь она, судя по всему, изрядно торопилась. Потому чувствовала себя явно не в своей тарелке, когда громко, на весь двор крикнула:

— Сережа, у меня к тебе серьёзное дело на «штуку баксов!»

Обещание, знакомое по прежним просьбам, и на деле абсолютно несбыточное у них в коллективе, было, тем не менее, тут же материализовано.

— Оно оказалось в задании, — как понял его будущий исполнитель. — До сей поры зажатые девичьими пальчиками с ярчайшим «пожарным» маникюром.

Больше привычке к пирожным и шоколадным батончикам, чем к предметам ритуального толка, теперь они протягивали Калуге, столь не вязавшуюся с её обликом, черную траурную ленту.

Тогда как сам материал был хорошо знаком Калуге, да и выглядел как всегда в таких случаях — оказался свернутым в несколько раз в виде рулончика, и лишь концы в виде «ласточкиных хвостов» траурно свисали гораздо ниже мини-юбки смешливой «заказчицы».

Дурное предчувствие своим острым коготком, почему-то вдруг больно колупнуло душу «выбивальщика пыли». Пришла даже мысль о

возможной трагедии:

— О несчастном случае, возможно, случившимся с кем-то из ребят.

Как это, к сожалению, бывало не раз, когда неудачники пешком отправлялись по маршруту, чтобы вернуться обратно не свои ходом и в «деревянном бушлате». Всегда тем самым вовлекая Сергея в орбиту похоронной церемонии.

Ведь он — Калуга, в качестве единственного здешнего внештатного художника-оформителя, прежде уже не раз, выполнял именно такие щекотливые директорские поручения — писал аккуратно золотыми буквами по черному шелку подходящие траурные слова к похоронным венкам.

— Кто погиб? — Сергей мигом забыл о нагретой под лучами солнца, палатке, в тот момент аккуратно складываемой им после успешного дворового моциона.

Бросив себе под ноги этот, последней из спасенных предметов просушенного инвентаря, он шагнул навстречу «вестнице нехорошего».

Но Дедова, заметив совсем иную, чем желала бы, перемену в лице собеседника, не к месту, и не к случаю, вдруг звонко рассмеялась:

— Никто не погиб!

И чтобы избежать подозрения в розыгрыше, обстоятельно посвятила художника-инструктора-сушильщика в суть

происходящих вокруг них, вещей.

— Этот веночек — какому-то генералу с Кавказа, — произнесла бухгалтерша. — Знакомому нашего начальства.

И пояснила для верности:

— Только что сообщили о готовящейся панихиде.

Сказать на это Сергею было просто нечего. Тогда как, сама Любочка продолжала тараторить, заодно прояснив и обстановку в начальственных верхах их общественной организации:

— Директор уже находится в республиканском представительстве. Оттуда звонил, чтобы тебе поручили его важное задание!

Далее из её сбивчивого рассказа Калуга узнал, что, когда директор клуба позвонил, то еще сообщил по телефону другие факты. Например, что именно там днем состоятся и прощание с покойником, и вынос гроба.

— Будет полно наших кавказских партнёров, — уже от себя, строго добавила специалист по кредитной политике их, отдельно взятого клуба туристов, альпинистов и горнолыжников. — А к профессиональному художнику из службы ритуальных услуг с подобной просьбой обращаться уже поздно.

После чего виновато пояснила необходимость обязательного выполнения Калугой этого

внеурочного задания:

— Собственно, венок в любом магазине можно взять, а вот надписать ленту к нему некому.

Она умоляюще кивнула Калуге, делая вид, что закатывает глаза от восхищения его талантом живописца:

— Кроме тебя!

Сама эта, столь докучливая непредвиденная работа не так озадачила Сергея, как дурное предчувствие. Сухим, мешающим говорить комом, оно словно застряло где-то в середине его грудной клетки.

Только, как оказалось, и этим сюрпризы не заканчивались.

— А ещё, дорогой Калуга, прямо здесь и спляши! — без перехода от траура к веселью, девушка протянула еще и почтовый конверт с адресом их учреждения, но фамилией именно этого инструктора горнолыжной подготовки. — Тебе пришло заказное письмо, Сережа!

Толстушка построила уморительно вопрошающую гримасу на свое полной, розовощекой физиономии:

— От кого бы это?

Получателя не стоило убеждать в том, что верхом глупости было бы делиться с такой болтливой «почтальонкой» лишними подробностями.

Дабы избежать лишних пересудов, Калуга поступил с письмом оптимально — просто сунул его, не читая обратного адреса, в собственный карман:

— На потом!

И, не мешкая, занялся делом, тем самым словно давая понять девушке, что недосуг время зря тратить, коли, ждут от него проявления еще и незаурядных живописных талантов!

Да и у самой бухгалтерши, к тому моменту желание безукоризненно выполнить столь ответственное поручение было столь велико, что она лично, и без напоминания о том, приняла на себя обязанность подсобной работницы.

Приняла непосредственное и активное участие в возвращении просушенного инвентаря обратно со свежего воздуха, в душное подвальное складское помещение.

...Вроде бы целая пропасть отделяет обладательницу весьма значимой Любочкиной должности бухгалтера и простого рабочего по хозяйству, такого как Калуга.

— Пусть и мастера на все руки, — как еще любили в глаза и за глаза называть у них в коллективе Сергея.

И всё же Любовь Георгиевна Дедова, начисто забыв про субординацию, с недавних пор не просто откровенно заужавала Сергея, но и была, по её

мнению в столь неоплатном долгу перед Калугой, что всегда и во всём стояла за него, что называется нерушимой горой.

А при случае, вот как сейчас, норовила помочь. Даже без напоминаний о том курьёзе, что возвысил парня в её глазах до пьедестала кумира и заступника.

Та история произошла чуть больше месяца назад, когда по возвращению с Кавказа приятели Калуги отправились самостоятельно проматывать, честно заработанные при восстановлении туркомплекса, деньги.

Тогда как он — Калуга откликнулся на очередную просьбу директора. Теперь она заключалась в том, что нужно было выручить, мол, в совсем пустяковом деле!

Калуга уже привык к тому, что при подобном обращении начальства, его неминуемо ждёт расплата за доверие. И лишний раз в том наглядно убедился. Пустяк оказывался ярмом, похлеще любого другого. Но на этот раз, действительно, ожидала не просто работа, а лишь совместный, чуть ли, не корпоративный отдых на природе:

— Наша Любовь Георгиевна Дедова собралась оформлять документы на спортивный разряд по туризму и защиту звания инструктора — узнал Калуга ещё от секретарши в приёмной.

Остальное ожидало его через несколько

мгновений, понадобившихся посетителю на то, чтобы предстать под директорскими очами. Для этого, правда, Калуге пришлось проявить настойчивость. А именно — взяться за витую медную ручку и распахнуть перед собой прочную, как и всё в этом старинном особняке, но по современному обитую чёрной солидной клеёной дверь служебной обители «самого».

— Дедовой для разряда и квалификации не хватает одного путешествия, — услышал Сергей в кабинете директора приказное и наставительное предложение. — Сходи с ней помощником по «единичке»!

Всё остальное было лишь антуражем к тому, чтобы приказ начальства выглядел, как добровольное желание товарища по работе помочь коллеге:

— Подстрахуешь, где нужно и вообще, не дашь взять под сомнение авторитет нашего предприятия!

Маршрут первой категории сложности, куда, таким образом, угодил Калуга, пролегал по Карелии.

Там его участники пересекли на лодках несколько озёр, связанных между собой небольшими протоками.

И всё же, несмотря на всю простоту поставленной задачи, сама новоявленная

руководительница похода Любовь Дедова успела нажить себе немало врагов среди рядовых и подчинённых ей туристов.

Уже тем, что строго ратовала за порядок на биваках.

Говоря проще, была против того, чтобы у костра разливали по кружкам что-либо более крепкое, чем чай или кофе. Хотя населённые пункты довольно часто встречались на пути следования. И почти везде, в прибрежных магазинчиках было чем разжиться в стеклотаре с заманчивыми этикетками на круглых боках поллитровок.

В последний день перед завершением похода, они вообще высадились в такой же самой деревушке, где приплывшие отдыхающие должны были дождаться, полагающийся им, транспорт на эвакуацию в город.

Из запланированных путёвкой испытаний девственной природой оставался не выполненным только один итоговый аттракцион, значившийся в перечне услуг организаторов отдыха на природе:

«Посещением традиционной финской бани».

Мысль о том, что все испытания остались позади и можно вполне расслабиться, как раз и подвела бухгалтера-инструктора. Да так основательно, что этого просто не ожидал, даже и её сердобольный и заботливый как нянька,

шеф-наставник.

Он, как оказалось, сам попал в столь же глупое положение, как и она, только потому, что заранее не уточнил с подшефной её полного не знания предмета.

Пока туристы только собирались в приготовленную им сауну с парилкой, ещё более крепко, чем обычно, натопленную для них местным компаньоном организаторов туристического бизнеса, кое-кто поторопил себя со сборами в место помывки.

Это, как раз и была «без пяти минут квалифицированный инструктор». Люба Дедова. Она тогда, ничего никому не говоря, вздумала воспользоваться своим исключительным правом старшего среди горожан и в баню отправилась первой из всей группы:

— Намериваясь испытать на себе самый «чистый пар» не разделённый еще со всеми остальными.

Ко времени общей помывки, указанному исполнительным банщиком, Калуга, внимательно изучая всё вокруг, прошелся по всей территории здешнего туристского кемпинга в поисках Дедовой. Но не отыскал её. Потому сам повел туристов женского и мужского пола испытать традицию совместной помывки по «финскому образцу и обычаю».

Сказать по-правде, согласились пройти это занятное испытать не все. Зато те, кто не стал отказываться от совмещения «приятного с полезным», да ещё прослышав про отсутствие зловредной «начальницы», подсуетились и щедро набрали с собой для «лёгкого пара», прежде запрещённого пива:

— Чтобы посидеть с ним после парилки!

Ничто не предвещало разочарования отдыхом. Лишь у самого крыльца случилась первая заминка.

Перед входом в бревенчатое здание, над которым из печной трубы уже не валил как прежде дым, а стелилось едва заметное облачко жара, группа стушеввалась, не смея пройти туда, где предстояло предстать «банным» нагишом перед другими.

Вот и пришлось Калуге, как и прежде во всем другом, здесь тоже взять на себя роль «подающего пример» лидера.

Смело войдя в предбанник, он, с некоторым даже удовольствием от того, что завершил свои поиски, увидел на вешалке следы пребывания здесь Дедовой.

Поверх знакомого спортивного костюма красовались её исподние вещи — повисший на бретельке необъятного размера красный лифчик, почти полностью скрывавший под собой синие хлопчатобумажные «семейные» плавки.

Зато под ними, на покрытой лаком струганной лавке, стопкой лежало свежее кружевное бельё. В которое Любочка, видимо, собиралась приодеться. Осознавая, что коли оказалась в цивильном месте, то можно было забыть и про раскисшие на озёрах кроссовки, и про несносных подопечных, готовых на всё, что только заблагорассудится, чтобы ей лично досадить!

Быстро раздевшись до «костюма Адама», в точном соответствии с тем как того требовала здешняя традиция, Калуга, порадовался тому, что и другие потеряли прежнее стеснение и тоже, следом за ним, стали снимать с себя одежду.

После чего раскрыл дверь в пышущую жаром парилку.

Там на полке, уже прожарившись, как следует, обильно истекала жарким, предельно солёным, потом и даже млела в одиночестве от удовольствия Любовь Георгиевна Дедова. Получала девушка кайф, ничего не подозревая о том, что её ждёт уже в ближайшие мгновения.

Пока она даже глаза закрыла от наслаждения, чтобы не тратить силы на пустяки в виде встречи других женщин, чьи голоса раздались из предбанника.

С широко разведёнными толстыми ногами и необъятной рыхлой грудью, обвисшей почти до середины своего круглого упитанного живота, она,

не глядя на вошедших, лениво хлестала себя по спине берёзовым веником.

Судя по всему, ожидала лишь того, когда к ней присоединятся другие женщины и можно будет ещё более получить уже коллективную пользу от горячей бани.

Говоря проще, надеялась попросить любую из туристок о взаимном одолжении — отхлестать ею мягкие места веником по настоящему, для полного, как учит медицина, выведения шлаков из организма.

Но, всё переменялось в одно мгновение.

Если, сначала скрип входной двери привел в чувство предвкушения удовольствия от исполненных надежд, то потом, увиденное повергло инструктора в настоящее неистовство.

С ужасом рассмотрев на пороге, в проеме распахнутой двери, вместо женщин своего помощника Сергея Калугу, да ещё и в чём мать родила, Любочка тут же панически завизжала, замахала руками.

И это длилось до тех пор, пока она не и забилась от его взгляда в самый дальний угол полка, где на беду, как раз и скопился наиболее лютый зной.

А тут ещё, к перепуганной девушке пришло полное понятие о том, что в бане на самом деле происходит.

Это случилось, едва туда же ввалились и остальные «голопузики» их туристской группы, демонстративно выставив перед нелюбимой инструкторшей, кто что имел.

Даже, побывавшие в походе, женщины, прежде, из-за природной стеснительности, несколько опасавшиеся такого «финского» банного общения и те пришли в себя, вдоволь насмеявшись над животным ужасом, продемонстрированным Любовью Георгиевной Дедовой, не столько от созерцания мужских причиндалов, сколько от категорического нежелания красоваться перед «негодями» собственными природными естественностью и достоинствами.

Вот тогда и спас её от полного позора Сергей Калуга.

Взяв ситуацию под свой контроль, он сначала бережно помог молодой женщине спуститься со скользкого полка на лавку в затенённом — дальнем от окна углу уже общего помещения.

И пока та всё ещё обиженно и отстранённо всхлипывала, стыдливо закрываясь веником, парень, не говоря ни слова, принёс ей туда полный таз горячей воды.

Затем утешил от первого расстройства, проявив настоящую чуткость и знание психологии взрослого человека.

Для этого он, как ребёнка, уложил крупное

тело девственницы на деревянную поверхность сиденья и так знающе и достаточно крепко похлестал по её, вполне упитанным, телесам, распаренным до мягкости шёлка, берёзовым веником, что и той самой стало не до перенесённого унижения.

Тогда как все остальные посчитали публичное «наказание веником» достойным искуплением всех прежних проступков Любочки.

Завершилось всё тем самым, давно запланированным нарушителями режима «пивопитием».

Вместе с ними, завернувшись, как и остальные в чистую простыню и Дедова не отказалась от стакана-другого пенного напитка. К тому же впервые была по-настоящему весёлой и общительной, отбросив прежнее самодовольство. И тем самым так прониклась общением с товарищами по походу, что расставались все они уже, как и подобает — вполне добрыми друзьями.

Времени с той поры прошло уже достаточно, чтобы напрочь забыть об инциденте, о котором, впрочем, никто так в Альпклубе и не узнал, благодаря настоятельной просьбе Калуги ко всем участникам помывки — пожалуй, неплохую, в общем-то, девушку и держать язык за зубами.

Но сам он, время от времени, чтобы сорвать раздражение, когда Любочка Дедова, слишком уж,

доставала его своей излишней заботой, невольно представлял её в том виде, в каком она встретила его «банное появление». И тогда неизменная лукавая улыбка, сменяла хмурую гримасу на лице. Да и самому на сердце словно становилось легче.

Но сегодня помощь девушки была в самый раз.

Свободной, от своей траурной ноши, рукой Любовь Георгиевна помогла Сергею Калуге снести в подвал упаковку того, что стало сравнительно чистым из, высушенных к тому времени, пуховиков. Явно не ведая, что только этой, достаточно простой, процедурой её участие в случившемся «аврале» далеко не закончится.

...У закрытой двери склада уже стояли несколько очередных клиентов. Одни желали вернуть то, что ранее взяли ими здесь на прокат. Другие наоборот — надеялись получить все необходимое для грядущего похода. Словом — выстроилась очередь. Как это довольно часто бывает именно в подобную пору — по окончанию очередного летнего полевого сезона.

А ещё потому не удивились наплыву клиентов работники областного Альпклуба, что дело было накануне теплого «бабьего лета», зовущего в Подмоскovie, на последние деньки у костра и речки. И приходилось учитывать это в своих планах на день.

Дабы избежать бесполезных споров с посетителями на счет медлительности обслуживания, бухгалтер снизошла до того, что лично взяла на себя хлопотную процедуру приемки-выдачи у окна проката.

Тогда как Сергей, настроившись на, подобающий директорскому заданию, траурный лад, прошествовал с шелковой лентой к своему «мольберту». Если так можно было гордо назвать, конечно, заляпанный краской лист фанеры, брошенной поверх простого письменного стола.

Сооружение было, почти полностью, заставлено банками гуаши, бронзовки, да еще несколькими емкостями с пучками кистей и перьев. Они, словно стадо колючих дикобразов, топорщили свое добро во все стороны из нескольких разнокалиберных стаканов и даже алюминиевой походной кружки.

С наведения, хотя бы, элементарного порядка в этом художественном хаосе, Сергеем и нужно было начинать.

Уже после, убрав всё, не нужное ему для предстоящей работы, на пол, с помощью молотка и мелких сапожных гвоздиков самодельный художник-оформитель растянул на фанере ленту.

Снял крышку с банки, шибанувшей в нос, терпким запахом бронзовой краски. Выбрал нужную кисть. Умакнул ее, чтобы лучше

набиралась краски, в банку с «бронзовкой». И лишь потом развернул, скомканный в кармане, листок бумаги с нужным «траурным» текстом.

Тем временем, новоявленная приемщица туристического проката, развернув свою деятельность за широкой спиной Сергея, больше похихатывала в окружении клиентов, чем делала порученную ей работу.

— Да и вообще в работе не всегда отличалась аккуратностью, — к месту попенял на нее Калуга, готовясь писать золотом по чёрному крепу.

Вот и, записывая, сказанное ей директором по телефону, Любовь Георгиевна, видно, не очень-то церемонилась с чистописанием. Так что не сразу, а лишь после внимательного разбора причудливых, что называется «курица писала лапой», карандашных каракулей, дошел до Сергея подлинный смысл всего написанного текста.

Но и его хватило на то, чтобы вновь возродить к активности в его душе давешнего «зверька» дурного предчувствия.

— «Генералу Никифорову от скорбящих друзей», — вслух еще раз перечитал самодеятельный художник.

Ведь, какую угодно, наверное, фамилию мог ожидать он, но только не эту. Все же не так много времени прошло с тех злополучных событий, как в последний раз он видел в полном здравии этого

«доброе друга» московских инструкторов альпинистской, туристской и горнолыжной подготовки.

...Было то на Кавказе — в аэропорту Минеральных Вод. Откуда, с поличным арестованного Никифорова, совсем не с почетом по-генеральски, а наоборот — как обычного уголовника — в наручниках и под конвоем выводили на летное поле к машине, следовавшей на вертолетную площадку, чтобы доставить, оттуда в столичный следственный изолятор.

— Долетел сюда он, видать, благополучно, коли, только через целый месяц венюк понадобился, — присвистнул от удивления Калуга.

И тут же погасил, вспыхнувшую, было, в душе тревогу:

— Ответил, мол, за все!

Хотя покойником вполне мог бы быть и другой генерал с этой, весьма распространенной фамилией.

— Вот, только, вряд ли бы того стали выносить из постпредства Горской Республики, — сам себе возразил на это объяснение Сергей.

Ведь именно в правительстве этого государственного образования, до своего ареста Никифоров исполнял обязанности вице-преьера, курировавшего деятельность силовых ведомств.

Самые разные мысли встревоженным роём

поднялись в голове Калуги в связи с полученным им от директора заданием.

В том числе и подтвердив правоту древних философов, утверждающих, что:

— «Нет милее, прекраснее и сладко пахнувшей картины, чем смердящий труп врага!»

Уж они-то поняли бы наверняка:

— От чего это, оказались, не в пример прежним траурным лентам, столь аккуратными, четкими и красивыми буквы. Что исполнил именно сейчас художник по траурному черному крепу.

Как-никак, водила кистью рука человека, чудом оставшегося в живых после неоднократного «дружеского» участия в его судьбе, лично этого самого — только что отправившегося на небеса, уголовного жмурика.

— И вовсе не он виноват, — понимает бывший сержанта Калуга, что стал врагом тому, кто командовал им когда-то на службе в Афганистане. И кто так и не стал его спутником в несостоявшемся походе к лавиноопасному перевалу на Северном Кавказе.

— Генерала, выходит, хоронят именно сегодня, — ещё и горько усмехнулся тот, кого сам Никифоров при своей жизни не раз приговаривал к смерти. И даже, чуть реально ли не похоронил под толщей снега!

Именно так и было прошлым летом.

Нисколько не «загибает» Сергей Калуга, оценивая жизненный путь того, кому адресует поминальные слова на черной материи.

— И, если бы ни ошибка преследователей, еще неизвестно, по кому бы нужно было еще раньше выводить траурную надпись на ленте к скорбному венку? — вздохнул Сергей. — Вот уж действительно и многократно — «Мертвый недруг благоухает пуще амброзии!»

Однако и особой радости он сейчас не испытывает.

Прежде, даже рискуя получить ответный «гостинец» от, лично «спроваженного им за решетку» преступника «с лампасами», Калуга еще надеялся на иное завершение истории с рюкзаком, полным долларов:

— Посадят, дескать, чтобы не разводил коррупцию!

Но не думал он, что развязка дойдет так далеко — до могилы!

Все же, и не без реальных опасений, полагал:

— Помогут свои люди генералу выйти сухим из воды, спасут от решётки обширные связи и покровители.

Оно же вот как все обернулось...

Пока просыхала, разведенная на олифе, золотистая бронзовая пудра:

— «Генералу Никифорову от...»

Сергей Калуга, в своей обжитой до последнего уголка, «художественной кондейке», успел вдруг «на смерть» разругаться с недавней подшефной и помощницей.

— С «толстой душой», — как едва ли ни вслух и при всех не окрестил Любочку.

И поделом!

Так как, почти всё имущество «туристского проката», только что принятое ею с хихоньками, да хаханьками от неведомых теперь, клиентов, снова было точной копией утрешнего:

— Того самого, что уже с самого утра заставило Сергея порядком надыхаться вонью разложения палаточного брезента и перкаля от сырости и плесени.

И опять очередная партия таких грязно-промоченных вещей «из леса» сулила Сергею не меньших потуг. Особенно если солнце на дворе сменится дождём. И сушку всего этого добра придётся вести в кабинетах, да бытовках клуба.

В том числе не только общественных помещений, как говорится, для всех, а также и элитных, занимаемых инструкторами.

После крупного разговора насчёт её интеллекта, до глубины души обиженная ещё и нарисованной, отнюдь не на материи, жизненной личной перспективой, Любовь Георгиевна Дедова

вновь спустилась в этот день в Калугинский подвал.

Но сделала это гораздо позже и с деньгами, выданными ему под расходный ордер:

— И на венок, и на такси.

Сделала она это, демонстрируя Калуге почти каменное выражение лица.

— Если бы, конечно, — примирительно улыбнулся про себя Сергей. — Кто-то попытался изваять из камня нечто мягкое, розовощёкое и постоянно пышущее жаром. И тем самым, хотя бы отдаленно, походило на подобный натуральный «природный материал», из которого целиком была создана сия любительница всего сладкого и мучного.

Нелицеприятный разговор, а за ним и последовавший разнос, устроенный ей Калугой за «косяк» в приёмке снаряжения от клиентов пункта проката, судя по всему, до сих пор саднил в обиженной душе счётного работника.

— Теперь я к твоим делам и пальцем не притронусь! — напоследок громко хлопнула она дверью.

В связи с этим, очередных клиентов «Пункта проката» принимать теперь стало просто некому.

— Приходите завтра! — безапелляционно заявил Калуга оставшимся в очереди посетителям.

Жаловаться им было в данный момент просто не на кого. Так как, завершивший смену, сотрудник

пункта проката отбыл в разгар рабочего дня для выполнения особого задания начальства.

В подтверждении реальности этого совета, он прикрепил скотчем на, обитую жестью, дверь собственноручно оформленный тетрадный листок со следами шариковой ручки, гласивший коротко и ясно:

«Санитарный день».

Что было похоже на правду. Учитывая его былую и еще предстоящую борьбу с мокрым и заплесневелым снаряжением.

После чего, со спокойной душой, уехал по указанному директором адресу в столичное представительство Горской Республики.

...На месте гражданской панихиды по «безвременно ушедшему товарищу» Сергей задержался несколько дольше, чем планировал. И не только от того, что исключительно аккуратно украшал венок черной траурной лентой, выслушивая переливы проникновенной директорской фразы, насчет сочувствия родным и близким замечательного государственного деятеля и патриота.

Передав готовый траурный предмет своему непосредственному руководителю, он постарался узнать от него, всё, что только было возможно, о подробностях смерти бывшего генерала Никифорова.

Тем более что слухов оказалось вполне достаточно для того, чтобы возникли самые невероятные версии. Вплоть до утверждения, что за решеткой с невинным человеком расправились его лютые враги — самые настоящие коррупционеры.

Что, впрочем, было недалеко от истины!

После чего, набравшись подобных новостей, как сухая губка — водой и оценив, их с точки зрения участника некоторых прошлых событий, Калуга окончательно потерял на сегодня всякий интерес к своей основной работе.

Прихватив в ближайшем продовольственном магазине литровую бутылку, лучшей, что была на витрине ликёроводочного отдела, сорокоградусной «Столичной», на соседнем прилавке ему отпустили кирпич «ржаного» хлеба, а завершило все его траты аппетитно пахнущее чесноком и дымом кольцо копченой «Краковской» колбасы.

Со всеми этими своими припасами Сергей Калуга, не торопясь более уже, никуда, напрямик вернулся обратно в клуб. Там и основательно запёрся за железной дверью пункта проката.

С одной единственной целью — помозговать, без посторонних лиц и возможных свидетелей, всё произошедшее с Никифоровым в тюремной камере.

И понять самое, наверное, главное:

— Чем конкретно, лично ему, может грозить эта неожиданная смерть бывшего комбрига

спецназа ВДВ?

Ведь изобличен был генерал, исключительно благодаря усилиям Сергея Калуги. Именно он уже «на гражданке» выставил своего бывшего командира в качестве самого продажного оборотня одной из горских Республик Северного Кавказа.

Рой мыслей, однако, был усмирён без особых усилий. Совсем не так долго, как могли, метались дурные предчувствия в полном хаосе и беспутничали в его голове. Переносясь с одного факта на другой. Делая это ну, в точности как перепуганные вороны в ветреную погоду.

Вскоре все предположения обрели вес бытовой реальности и степенно «расселись по полочкам». Более того, проведенный им тщательный анализ успокоил. Сергея.

— Пожалуй, ничем он меня уже не заденет! — решил Калуга.

Алиби своё, ещё накануне Игорю Малаху и всем остальным он доказал честь по чести! Мол, закладывая в правоохранительные органы неуёмного «гонителя» Никифорова, спасал собственную шкуру от клеветы и наветов.

Теперь Калуга еще и представил себя на месте руководства, посвященного во все его злоключения, выпавшие во время последней командировки в горы. Дескать, и знать не знал, почему его столько раз хотели убить в не очень гостеприимном

туристском комплексе?

При этом, механически прикидывая все «за» и «против» принятой версии, озабоченный художник-кладовщик неторопливо колдовал над сооружением нехитрого позднего обеда, обещавшего заменить ему еще и ранний ужин.

Разогрел чайник на бензиновом походном примусе «Шмель» из своего же прокатного имущества. Накромсал ножом, прямо на газете, расстеленной поверх «художественной фанеры», «натюрморт» из ломтей хлеба и кусков копчёной колбасы.

Последним штрихом «сервировки» оказался граненый стакан. Он был тщательно обтёрт клочком бумаги от следов прежней заварки. Давным-давно, нагло осевшей по мутным стенкам от частого употребления солдатского «купчика» — нечто среднего между чифирем и крепкой заваркой, что называется, «на любителя».

За приготовлениями, как-то, между прочим, Калуга, вдруг, понял и причину гнетущего чувства. Того, что захватило его с момента, когда, во внутреннем дворике клуба, пухлая хохотушка Любочка из бухгалтерии безответственно пообещала ему «штуку баксов» за небольшую услугу:

— Со смертью генерала Никифорова рвалась последняя ниточка, до сей поры все еще

связывавшая его с давней историей трагического захвата в Афганистане рубиновых копей моджахедов.

И еще Сергей, очень расстроено вспомнил всех её участников, погибших из-за самодурства и недальновидности начальства, кого даже помянуть не удалось, как полагается, по-христиански.

Он в раздумьях присел у стола.

Попытался хотя бы сейчас, выискать, возможно, что-то доброе, оставленное после себя на земле, представшим перед небесным судом, тюремным самоубийцей. При этом ни в грош не веря, в доведенную до широкой общественности, официальную версию, позволившую окружить гроб подушечками с орденами:

— Сердечный приступ.

В версию, должную, по-видимому, покончить со всеми прижизненными подозрениями в адрес не совсем обычного покойника.

— «Незабвенного борца с коррупцией в стране, а не только в небольшой, но гордой Республике Северного Кавказа» — как говорили практически все, выступавшие на панихиде.

...Но, потолкавшись тогда совсем немного среди собравшихся в толпе представителей здешней горской диаспоры, Сергею удалось выяснить и другую, более вероятную версию всего произошедшего в «смертной» камере следственного

изолятора.

По ней выходило, что «страдалец» просто не выдержал возмущения несправедливым арестом. От того, мол, сам и сплел петлю из тюремной простыни...

...Калугинские размышления о бренности земного бытия вдруг прервали, солидной тяжести, удары в жестяную обивку входной двери «Пункта проката». Их настойчивость, явно, говорила о том, что, несмотря на суровую вывеску о санитарном дне, кто-то настойчиво рвался сюда по срочному делу.

По предположению Калуги, это мог быть гражданин, не удовлетворенный, видимо, листком на металлической двери с сим категоричным извещением:

— Да еще и довольно строптивый, если он, минуто за минутой, не прекращал колотить ногой в дверь, громким голосом требуя повышенного и заслуженного внимания к простым трудящимся со стороны нерадивых «санитаров».

Следовало незамедлительно откликнуться, дабы спасти спортивную честь и деловую репутацию заведения.

Что Калуга и сделал.

Открыл, сначала, сваренную из арматуры, решетку и потом уже железную створку окна в двери. Следом одинокий обитатель хранилища

инвентаря вдруг, совершенно неожиданно для себя, увидел перед своей складской «амбразурой» возмущённые лица именно тех, кого бы только и желал встретить в минуту, подобную наступившей.

— Кто стучится в дверь мою? — шутливо коверкая слова, нараспев, подражая певцу степей акыну, продекламировал «санитар» пункта проката в ответ на недовольство друзей. — Видишь, дома нет никто!

Тем самым, словно предвосхищая грозящий вот-вот прорваться совершенно необузданный Елеевский поэтический поток, основанный обычно на среднеазиатском фольклоре.

И не ошибся.

— Открывай, слагалище! — раздался из-за порога Витькин рассерженный бас. — Долго еще нас за порогом будешь мариновать?

Остальные были не менее горячо настроены. Потому, зная характеры друзей, Калуга, хотя её и начал, но первым, же подвел черту под словесной перепалкой.

Для чего, демонстративно брякая в скважине ключом, открыл последнее препятствие для встречи старых друзей.

Когда замок открылся, и дверь со скрипом распахнулась, хозяин складского помещения попытался забыть дневные проблемы за душевным разговором с самыми близкими ему людьми.

— Ребята, вы откуда? — держась со своей стороны за дверную ручку, спросил Сергей и тут же сделал широкий жест свободной рукой. — Заходите!

Гости не замедлили тут же воспользоваться запоздалым приглашением. Но вошли при этом в сырость и полумрак с настроением, достойным куда более подходящих для общения и действительно уютных и комфортабельных апартаментов.

Степенное рукопожатие Олега Банникова, почти сразу же сменилось вполне законным обвинением автора объявления на двери в том, что он «незаконно примазался» к славному братству «санитаров всех времен и народов».

Что прозвучало со стороны Генки Куксина так, будто младший медицинский персонал именно ему поручил отстаивать свою честь и достоинство от таких посягателей как Калуга.

Можно было ждать подкрепления со стороны ещё одного специалистом по насмешкам — Елеева, однако теперь неудовольствие Виктора, почему-то, остались без соответствующего «аккорда острот» в сторону побежденного коллективом, «поэта» — индивидуалиста.

Только всем стало не до того.

Каким-то внутренним чутьём, словно определив место, идущей без них, попойки, Елеев молча, как обманутый в лучших чувствах Командор

на бессовестного беспредельщика Дона Жуана, прошагал от порога дальше в помещение.

Прямо туда, где даже обычные резкие запахи краски и олифы не могли перебить чесночный «Краковский» дух приготовленной к употреблению закуски.

И уже оттуда с обидой ответил за все невысказанное:

— Так я и думал.

Дальше в его голосе звучали не столько нотки удивления, сколько возмущенной души старого выпивохи:

— Заперся наш «санитар» в одиночестве, и водку пьянствует.

Готовящийся фуршетик с колбасой и бутылкой сорокоградусной был явной уликой, подтверждавшей его обвинения и неопровержимым доказательством «бессовестного эгоизма» кладовщика.

— Что за повод, Сергей? — увидев то же самое, что и другие гости, на полном, что называется, серьёзе нахмурился относительный трезвенник Банников. — Совсем, гляжу, испортился в последнее время.

Не оправдываясь, а больше объясняя повод — и друзьям присоединиться к нему, принять участие в застолье, Калуга пояснил:

— Так! Поминаю одного сослуживца.

Он достал с полки еще несколько пыльных стаканов. Обтер их все теми же бумажными салфетками и щедро наполнил водкой:

— Да вы его знаете...

Кончина генерала вызвала у всех троих скорее радость, чем скорбь. И оттого ребята траур, после первой, не поддержали. Зато, вместе с Сергеем выпили уже по «чуть-чуть», разделив оставшееся спиртное, по другому поводу.

— Скоро ляжет снег! — вместо очередного тоста, констатировал непреложную истину Банников. — Пора, парни, вострить лыжи.

Он глянул сначала стакан с водкой на просвет, а потом на всех, собравшихся за импровизированным фуршетным столом:

— А то заждались, наверное, нас с вами кручи с трамплинами на славной подмосковной речке Парамонке.

Сразу же нашлось и кому подхватить сказанное без традиционного на то провозглашения «аллаверды».

— Или на зиму откосим от славного братства? — это уже резанул по живому Елеев, все ещё выражая крайнее недовольство, сегодняшним гостеприимством хозяина сабантуя — Калуги. Да и самим Сергеем:

— Сначала — за позднее приглашение к столу. А потом и за то, что мало, дескать, налили.

Только что осушённый до капли стакан Виктор так смачно приземлил на фанере, накрывавшей стол художника, что причина его плохого настроения перевесила все остальные:

— Хуже всего на свете, недоперепить!

— Это как? — поддержал его новую шутку Куксин.

— Выпить меньше чем хотел, но больше, чем смог! — ответил Елеев, смачно заев свои пророческие слова солидным куском отменной краковской колбасы.

Не понять смысл его намёков не мог бы даже слепоглухонемой, каковых в компании инструкторов никогда не бывало.

— За мной «не заржавеет!» — словно не замечая «водочной проблемы последней капли», отверг Сергей упрёки по первому вопросу, в возможной забывчивости своих обязанностей. — Я вам уже и «доски» обустроил.

Подкрепляя слова конкретным поступком, он полез в карман куртки за другими, невостребованными еще сегодня, ключами — от хранилища самого дорогого — зимнего инвентаря.

Как вдруг по бумажному хрусту плотного конверта, оказавшегося под рукой, парень запоздало вспомнил о письме, протянутом еще утром бухгалтером Любочкой в «дворе-сушилке», чуть было не испорченных походных

принадлежностей.

Тогда — днём, чтобы не давать повода к излишнему любопытству Любови Георгиевны Дедовой, Сергей не стал читать послание. А потом — в круговерти, внезапно свалившихся на него, хлопот и вовсе забыл о содержимом кармана. Которое, сейчас, вдруг, само напомнило ему о себе крайне заманчивым не только для непосредственного адресата хрустом новостей.

— У меня тут, оказывается, письмецо, — Сергей достал его на свет из кармана вместе с ключами.

И был тут же атакован Куксинским экспромтом:

— Связей, порочащих его перед общественностью, не имел, но был замечен в некой переписке...

Генка выхватил письмо.

— С адресом из-за «Бугра».

Возможно, балагурил бы он и дальше, если бы, вчитавшись в обратный адрес на левом углу конверта, вдруг серьезно не переменялся в лице:

— Позвольте, господа!

Он не спешил возвращать конверт хозяину, произвольно изобразив на лице, известное — мультфильмовское, вручение подарка ослику Иа.

Именно тот момент, когда новенький воздушный шарик от Пятачка обрел

владельца-именинника, лишь после того, как лопнул на пути гостя к месту празднования именин.

И всю же среди суровых горнолыжников горестной процедуры слез Пятачка и обиды ушастого именинника из сказки про Винни-Пуха не произошло.

Озабоченность во взгляде балагура Куксина, сменившаяся вдруг неподдельной радостью, затем перешла в свою противоположность:

— Ты что же, подлец, скрываешь адрес Наташи?

Требовательный взгляд потерял всякий намёк на прежнюю шутливость и заставил хозяина всерьёз отвечать за свой «косяк». Благо, что сам он никакой вины за собой и не чувствовал.

— Какой ещё Наташи? — переспросил, озадаченный его словами, Калуга.

Чем вызвал еще более плотный поток обвинений, готовых перейти в рукоприкладство на основании давней дружбы, нарушенной, как оказалось «скрытным типом», ни за что, ни про что.

— Не знаешь какой? — продолжал орать Куксин. — Вы только поглядите, ребята, на дерзкого и бессовестного человека.

Генка своим криком и жестами попытался призвать друзей помочь ему в наказании отступника от законов дружбы:

— Да я тебе...

Но никто его с бухты-барахты не поддержал.

Потребовалось вмешательство самых серьёзных сил. Без чего, наверное, Генка не сразу бы и понял, что Сергей на самом деле ни в чем перед ним не виноват.

Банников в две-три фразы выяснил, что Калуга и вправду ещё не успел глянуть на корреспонденцию. Потому долго разоряться Геннадию Куксину, со свойственным ему темпераментом «жизнерадостного рахита», не дал самый старший в их компании — по авторитету и предусмотрительности.

Олег сумел прекратить «сцену разоблачения» еще до того, как она могла бы выйти за рамки дозволенного.

Он в один момент отделил «зерна от плевел», а напрасно приписываемый обман — от искренности.

Отняв у, возмущенного вероломством друга, Куксина злополучное письмо, «бригадир» сам прочел адрес вслух.

Громко выделяя при этом каждое слово, написанное на узком, как и полагается по международному стандарту, «евроковерте»:

— Так, ребята, посмотрим!

Те замерли и слышали то, что уже успел понять только Куксин, первым сунувший нос в чужие секреты.

— «Куда». Областной Клуб туристов. Калуге Сергею Александровичу. «От кого». — Германия. Цюрлих-на-Тюрлих — Гамаева Наталья.

— Неужели? — небольшой хор в составе Калуги и Елеева исполнил свою партию уже под треск, распечатываемого Банниковым, конверта.

Процедура получения почтового отправления, хотя и оказалась столь эмоциональной, зато само послание было коротким:

— Приветы шли ребятам, — читал уже Сергей Калуга, которому Олег Банников вернул, законное почтовое послание. — Особенно, пожми руку «крестнику».

Последовал соответствующий комментарий Елеева:

— Пострадавшему и излеченному в горах — Геннадию.

Только Калуга его остановил:

— Привет сопровождается вопросом, мол, как там у него рука?

Куксин засмутился так, что россыпь конопушек стала почти не заметной на общем фоне покрасневшего лица.

— Хорошо ли зажила конечность Гены? Что нового сочинил Витя? Не сильно ли строжится над вами Банников? — продолжал вслух читать получатель письма, раскланиваясь с каждым, про кого шла речь.

Благо, что обо всех, пусть понемногу, но было сказано. Однако, относительную краткость сего эпистолярного послания, полностью компенсировал номер телефона, указанный в виде дополнения к обратному адресу.

Как оказалось, совсем не зря учили Сергея быстро и точно запоминать цифры в лесной спецшколе, о чем, правда, никто в компании даже не подозревал. И этот номер, вместе с адресом, запали в память Калуги навсегда.

Потому и не стал он перечить Куксину, самоуправно забравшему себе послание от Гамаевой и клятвенно пообещавшему ответить за всех.

— Про меня в письме — больше всего! — заявил Геннадий. — И я не виноват, что Наташа знала только, где искать Серегу.

Калуга промолчал, но не остался без помощи самозванного адвоката.

— Так, брат и становятся, неизвестно почему, секретными «почтовыми ящиками» для амурной переписки, — задумчиво поднял налитый стакан Витька Елеев. — Было бы что, непременно выпил бы сразу по двум поводам.

Он обвёл всех своим взглядом, явно, таящим множество бесенят:

— За Наташу!

И словно потакая Банникову, продолжил:

— За приближение зимы!

Возражать ему никто не стал, потому Елеев, в заключение тоста, лукаво произнес, надеясь вызвать хотя бы какую-то реакцию окружающих:

— А за Генку уже пить просто нечего.

Он кивнул на товарища:

— Ишь, как ранбольной разволновался. Забыл, небось, про операцию в поликлинике горного аула.

— Можете и не пить, — в тон ему отозвался бывший пациент Гамаевой. — Все равно — нечего пить, всё вылакать ещё до меня сподобились.

— Смотря кому пить нечего!

Елеев нырнул под фанеру с остатками закуски, где до той поры скромно стояла его собственная сумка, спрятанная под ноги еще при входе.

Проскрипев там, раскрываемой молнией, он извлек из недр поллитровку — точную копию той, что уже успели «раздавить» собутыльники.

— Ну, тогда я тоже выпью «не за себя»! — с радостью за предусмотрительность друга, согласился Куксин. — Чего добру пропадать.

Впрочем, одним тостом дело не ограничилось.

Геннадий, окрыленный новостью и спиртным подкреплением, сам вызвался принести следующую поллитровку. Пока ходил, Олег Банников предложил, как бы, между прочим:

— Не забыть взять с собой в первый выезд «на снег» и Потаповых!

Причем, и это предложение, как и все свои предыдущие идеи, серьезно обосновал высказыванием:

— Пусть Вера Константиновна сама не катается с горы, так, хотя бы со стороны посмотрит за Вадькой. Заодно воздухом подышит...

Никто не возражал.

Так что, к моменту возвращения «гонца», друзья уже деловито осматривались в, открытом Калугой, хранилище зимнего инвентаря.

...Снаряжение, приготовленное и для друзей, и самого себя «мастером на все руки» стояло в отдельном стеллаже.

Там острый взор старшего в их компании не мог не заметить и гораздо более короткие, чем другие, горнолыжные «доски»:

— И о том падении помнишь, молодец?! — похвалил Банников Сергея — Правильно. Нечего мальчишке ноги ломать на отцовском антиквариате.

...Лыжи для Вадьки Калуга приготовил давно.

Отреставрировал кое-что из старья. И прикинул к этому в подарок фирменные ботинки и крепления. Да всё, как-то не мог отправиться с ними по знакомому адресу. Пока, и в самом деле, теплая осень вскоре, после встречи друзей в подвале «Пункта проката» сначала не сменилась

дождями, потом — предзимьем, пока вообще не обрушила на головы беспечных москвичей затяжные снежные заряды.

Тогда уже визит к Потаповым — гражданской семье, погибшего на Гиндукуше, геолога возымел точный повод.

«На секундочку» забежав в компании с Олегом Банниковым к Вадиму и его маме — Вере Константиновне, чтобы оставить у них подарок, друзья договорились встретиться с ними в ближайшие выходные.

С тем, чтобы всем вместе, включая маму лихого «покорителя» снежных склонов и его самого, отправиться на, уже знакомых Вадьке, легковых машинах туда, где впервые судьба свела его с нынешними шефами — инструкторами.

Глава вторая

...К выходным дням снег, наконец, перестал вываливаться во все «небесные прорехи». Доказав полную и неотвратимую исчерпаемость «худого мешка», наступившей и в ближнем Подмосковье, зимы.

Затем сугробы, очень быстро, обрели и свой постоянный статус, хотя это и далось им не с кондачка. Пришлось и первому серьезному морозцу поколдовать над окрестностями, заждавшимися

смены сезона.

Прежде липкий, готовый тут же растаять, ненадежный белый полог, получив перед выходными ночную поддержку, теперь заявил о своем постоянстве. Когда еще и крепкий наст по-зимнему серебрится жесткой хрустящей корочкой, украшенной «пудрой» свежака. Обернувшись той самой «целиной», о какой мечтают любые лыжники.

Особенно те, кто отдаёт предпочтение не потному «лошадиному» бегу по лыжне «на своих двоих», а благородному скольжению вниз по склонам окрестных горок и оврагов — вроде компании Банникова.

По обыкновению — не торопясь, оставляя другим «удовольствие» прикатать «горку» у, все больше набирающей популярность, речки Парамонки, собирались туда Сергей Калуга с его друзьями по безнадежной страсти к скоростному спуску.

К тому же, приятелям внушала некоторый повод уважения к самим себе, предстоящая шефская акция:

— Развлечение на природе матери старого знакомого Вадима и догляд за её неугомонным мальчишкой.

Только, на условленном месте встречи к указанному времени Потаповых все не было и не

было. Хотя у станции метро легковушки, со своими, начинающими терять терпение, экипажами, стояли гораздо дольше назначенного часа.

— Что-то случилось? — недобрым предчувствием ёкнуло на сердце Калуги.

Но по-настоящему он заволновался, когда, через несколько минут, в людской толчее, спешащей от выхода с подземки метрополитена мимо их, припаркованных бок обок, «Москвичей» он разглядел одну только Веру Константиновну, причем, с таким явным выражением отчаяния на обычно симпатичном лице, какое бывает только по поводу неприятности, касающейся собственного ребенка.

Да и самого мальчугана рядом с матерью не было.

— Что случилось?

— Где Вадим? — чуть ли не в один голос спросили у расстроенной женщины Калуга с Банниковым.

На что только досадливо махнула рукой Вера Константиновна, отчаяние которой тут же передались всем, ожидавшим их появления, горнолыжникам.

— Ну вот, так я и знала! — совершенно огорченно произнесла женщина. — И с вами его тоже нет.

Исчезновение паренька начинало обретать

недобрый оттенок.

Уже в душе понимая прекрасно — о чем идёт речь, Сергей попытался, насколько мог, хоть как-то успокоить мать пропавшего подростка.

Да и для себя нужно было куда более подробно прояснить ситуацию:

— Давно Вадим из дома ушёл?

— Утром ещё, — услышал он в ответ.

И далее женщина не стала скрывать всех подробностей.

— Послала за батонами в булочную, — сказала она. — Собиралась наготовить бутербродов в дорогу.

Вера Константиновна уже чуть не плакала от расстройства.

— Потом побывала там сама, но, как выяснилось, никто в магазине моего сына не видел, — делаясь переживаемым, женщина надеялась на помощь друзей. — Тогда и решила, что он уже с вами.

Время, между тем, уже подходило к полудню.

И столь длительное отсутствие, буквально мечтавшего об этой поездке, мальчишки, настоятельно требовало хоть какого-то объяснения:

— Может, со сверстниками Вадим, где засиделся?

Сергей, понимая абсурдность им же сказанного, не стал дальше развивать эту, самую

очевидную, версию. Потому что все они прекрасно знали истинную страсть Вадьки, рядом с которой меркли все остальные московские соблазны.

— Подождите немного, Вера Константиновна!

Сергей вернулся к сидевшим в машине. Коротко объяснил сложившуюся ситуацию. И пожелал друзьям ехать на косогор у речки Парамонки без него:

— Я же, пока, займусь поиском...

План действий уже сложился в голове Калуги. И начинать их следовало оттуда, где так и не появился с хлебом, ушедший за ним, подросток.

— Вдруг, он уже дома? — надеялся Калуга. — Или, схватив лыжи, добирается, хотя и с опозданием, до места встречи?

Но на месте, когда в квартиру они нагрянули с хозяйкой, «доски», как и всё прочее, недавно подаренное мальчугану, снаряжение — ботинки, шлем, и такой, же новенький — болоньевый комбинезон оставались нетронутыми.

Причем, лежали в том порядке, в каком их приготовил к поездке на «первый снег», сам увлеченный предстоящим катанием, мальчишка.

Тут еще соседи по коммуналке, уже знакомые Калуге девочка — ровесница Вадима и ее ворчливая бабушка, своими сомнениями насчет судьбы Вадима, невольно подлили масла в огонь.

Войдя следом за соседкой и её гостем в

комнату, они сразу предложили:

— Звоните в милицию! — категорично заявила старушка.

— И в «Скорую помощь»! — добавила более практичная внучка старой московской домохозяйки.

Но и на этом они не успокоились, а даже подняли дополнительно целую массу, возможных для этого, причин.

— Не иначе, как под машину, какую угодил в таких сугробах?! — старушка не давала и слова вставить возражений. — А в отделении про все аварии знают в округе.

Любой, даже самый долготерпеливый мог поддаться на подобные уговоры, а не только Калуга. И все уже шло к тому, по его настроению, как советовали соседки пропавшего мальчугана, как вдруг старинный, в эбонитовом массивном корпусе телефон, висевший в конце длинного коридора коммунальной квартиры, своим резким звонком опередил возможную попытку последовать житейской мудрости — в любом случае ждать самого худшего исхода, но надеяться на лучшее!

Потапова стремглав бросилась к аппарату. Однако женщина ошиблась. Просили вовсе не её.

— Вас, Сергей Александрович, просят к телефону! — очень удивленно произнесла Вера Константиновна, неуверенно протягивая трубку,

уже стоявшему к тому моменту рядом с ней, Калуге.

Тот взял трубку, даже не попытавшегося удивиться подобной просьбе насчёт себя — редкого гостя, совершенно случайно, на первый взгляд, оказавшегося в этот час по данному адресу.

Ведь, никто в целом свете, в том числе и самые близкие друзья, искать его здесь просто не могли. Не говоря уже про другое. Ведь даже приятели ничего не знали о какой-либо другой причине появления Калуги по данному адресу — кроме случайного знакомства.

Так как сам он хранил в глубокой тайне ото всех истинное отношение инструктора горнолыжной подготовки к несостоявшейся семье, погибшего в Афганистане, геолога Виктора Кузьмина.

И все же у Калуги подобная мысль успела созреть в мозгу. За то время, пока он только брал в руку телефонную трубку.

— Слушаю, Вас! — выдохнул Сергей, точно помня, что этот номер не давал никому из, уехавших на речку Парамонку, друзей.

И уж тем более не ожидал чужого приглушенного голоса на том конце провода, где, оказывается, знали все не только о месте нахождения Калуги, но и о его знакомых, и планах на будущее.

Спрашивал Калугу человек, по голосу, явно, солидного статуса и потому не терпящий никаких возражений. Судить о чем можно было уже потому, что лишь убедившись — с кем именно имеет дело, тот сразу перешел к конкретике.

Пробасил, не пытаясь показаться вежливым и настроенным «на добро»:

— Ресторан «Прага» знаешь?

В трубке, на другом конце провода, затихли в ожидании.

— Кто это? — вопросом на вопрос ответил Сергей.

Непроизвольно пытаюсь выгадать для обдумывания ситуации, хоть немного лишнего времени. И понимая уже наверняка, что с ним просто играют в «кошки — мышки». Да и пропажа Вадима совсем не случайна!

Тогда как неизвестный на другом конце провода немного приподнял с себя покров таинственности:

— Хороший знакомый.

После чего выдвинул особое условие, соблюдение которого, дескать, может разрешить все его сегодняшние волнения.

— Но, приходи один на Арбат, — услышал Калуга. — И тогда с твоим мальцом ничего не случится.

Последние слова прояснили гораздо больше,

чем мог бы Калуга ожидать в подобной ситуации с ее полной неопределенностью.

Гудки отбоя ещё некоторое время доносились из разъединившегося с таинственным абонентом телефонной связи, пока Калуга переосмысливал все плюсы и минусы неожиданного предложения.

Принял его, в конце концов, без всяких оговорок.

А тут ещё взгляды встревоженных обитателей квартиры, устремленные на Сергея, заставили быстрее разрядить сложившуюся ситуацию.

— Это наши ребята звонили от метро! — спросила Вера Константиновна и своим вопросом невольно подсказала Калуге выход из положения.

Сергей не стал её обнадеживать.

— И к ним Вадим ещё не подошел, — буркнул он в ответ первое, что пришло ему в голову. — Похоже, появилась у них проблема.

Калуга надел шапку.

— Смогаюсь — выясню и тут же вернусь обратно, — заявил он. — Тогда, если что, и поиски Вадима начнём...

...Пока, на остановленном, прямо на проезжей части, «леваке-бомбиле» Калуга ехал до, известного каждому москвичу адреса на Арбате, он успел передумать многое.

И не впустую.

По ходу он выработал дальнейшую тактику

действий. Где основным рецептом от худшего было решение вести себя настороже. Подкрепленное окончательно сложившимся убеждением в том, что за подъездом дома где живёт семья Потаповых, наверняка, следят люди того самого, якобы, «хорошего знакомого», кто вызвал его на столь странную встречу.

— Да и как иначе? — решил Калуга. — Уж больно вовремя прозвучал телефонный звонок! Когда он в квартире Потаповых появился собственной персоной.

Только на сами вопросы:

— Кто именно звонил? Зачем ему понадобился парнишка? — можно было ответить, лишь выполнив условия незнакомца.

Для чего Сергей и рискнул ловить такси, чтобы ехать в «Прагу». Не особо задумываясь о возможных последствиях такого визита...

...В «старые добрые — еще советские времена» попасть в этот ресторан без блата было просто невозможно. В любое время. Хоть — днем, хоть — вечером. На страже чего всегда стояли вышколенные швейцары, свято оберегавшие «рыбное место» от чужаков, желавших попытаться счастья в «мутной воде».

В этом сотрудиниках в ливреях помогали профессионализм и стремление всеми способами удержаться на своем посту у зеркальных дверей в

заведение, куда стремились многие соискатель, как говорится, «из бывших».

Вся столица знала, что отставные работники правоохранительных органов, да военные пенсионеры чином не меньше майорского, буквально становились в очередь на любую, освободившуюся в ресторане вакансию, чтобы затем пробиться поближе к входу в «Прагу».

— Но это было прежде, — сам себя опроверг Калуга в размышлениях о месте встречи, которое, как в том популярном кинофильме «отменить было никак нельзя».

Пришли новые времена, едва не превратившие престижнейший «пункт общественного питания» для избранных граждан в центре Москвы в заурядную забегаловку. Или, во всяком случае, чуть не сравнивали ресторан по ценам в «Меню» с коммерческими «тошниловками», коих развелось множество на каждом углу.

Не просто так снижали цены в «Праге». Исключительно во имя привлечения хотя бы рублевых посетителей вместо пропавших интуристов. Тех, кто, на некоторое время переместился в более модные «ресторации» — при казино с рулеткой и «Блэк-Джеком», а так же в корпоративные клубы.

И все же, «Прага» устояла.

Дождалась-таки возвращения — «праздника

на свою улицу». Засверкавшего новыми красками в старинных залах вместе, с хлынувшим и сюда, потоком, неизвестно как, образовавшегося, среднего класса. Вскормленного крошками от западных траншей, «пирог» которых, впрочем, делили совсем не те, кто появлялся в «Праге».

Зато ей вполне хватает клерков многочисленных банков, посреднических контор и прочих учреждений — больших и малых фирм и фирмочек. В том числе и с репутацией, не требовавшей даже малейшего внимания на то, чтобы понять всю не важную подноготную.

Но — деньги, как известно, не пахнут! А если и пахнут, то еще большими деньгами!

И потянулись «среднего класса» посетители «откушать свой традиционный ланч» мимо знакомых швейцаров, опять ставших неприступными «редутами» для новичков, еще не успевших завести необходимые связи.

Вот и Калуга сразу же получил «от ворот — поворот». Едва явился по приглашению таинственного незнакомца, выбравшего, по непонятной Калуге причине, местом их частного разговора именно сей заслуженный ресторан.

Уже прикидывал он, как нейтрализовать швейцарскую братию. Пока же просто со стороны поглядывая на степенных стариков, о чем-то чинно беседовавших в своей компании.

Рядом с табличкой на дверях «Мест нет!», благополучно отшивавшей за них таких чужаков как Калуга.

И вдруг Сергей заметил, как один из привратников, незаметно для других, кивнул ему приглашающе:

— Подойди!

Калуга повиновался. И приблизившись к доброжелателю в ливрее и форменной фуражке с оранжевым околышем, услышал заветные слова:

— Проходите, молодой человек, Вам заказано!

У Сергея не было времени удивляться точным знаниям такой мудрёной науки, вроде бы зовущейся «физиономистикой», со стороны специалиста «обороны ресторанного входа». Сумевшего, неизвестно как, совершенно точно определить в толпе страждущих граждан, исключительно «своего человека».

Хотя, конечно, хотелось бы узнать об этом больше, полагал Калуга, но не до такой степени, чтобы смазать перед незнакомцем своими нелогичными действиями у входа — появление «по первому требованию».

Сбросив в гардеробе свой пуховик, он остался совсем не в том, к чему привык здешний обслуживающий персонал. Потому особенно пришлось уязвить метрдотеля, стоявшего у входа в

главный зал.

Тот ничего не сумел поделать с тем, что этот посетитель в горнолыжном нарядом, как ни в чем ни бывало, и совершенно невозмутимо прошагал мимо рядов столиков с гостями в выходных нарядах.

Калуга успел пройти совсем немного по ковровой дорожке, устилавшей пол в главном зале, пока не понял, что близок к цели.

Его ищущий взгляд вдруг сам остановился на очень знакомой физиономии одного из посетителей ресторана. На человеке, действительно, как тот и заявлял, оказавшемся, из его недалекого прошлого.

Именно такое землисто-серое, худощавое лицо было только у того, кого и забыть, он просто был не вправе. Уже потому, что когда-то оказался обязанным тому своим прошлым — совершенно криминальным освобождением из лагерной неволи «Исправительно-трудового учреждения».

...Кличка «Кент» прилепилась к Сергею Максимову незадолго до его первой судимости. В возрасте, когда подростков больше обуревают романтика приключений, нежели выбора реальной судьбы. Королями, баронами и рыцарями, именовали себя в играх сверстники.

Не устоял и Максимов.

— Вот мой герб, — провозгласил он во весь голос, когда начертал тогда у себя на картонном

щите из упаковочной коробки, новое имя.

Оказалось оно пророческим и действительно сделало его королем. Правда, в мире криминала. Где сама взрослая и настоящая «коронация» проходила много лет спустя и не в тронном зале, а в очередной «крытке» — тюрьме. Именно там свела его дорожка с хранителями воровских законов.

Став одним из них, Кент сохранил не только свое детское прозвище из рыцарских романов, но и некий романтизм в отношениях.

Иногда выручал просителей, показавшихся интересными, что с тех пор не скрывает Максимов.

Тем более что прав и за колючкой, и на свободе у этого носителя криминального титула оказалось гораздо больше, чем в официальном обществе у кого-либо «избранного» из реально существующей в этом мире аристократии.

В подростковую же ту пору становления личности он, что называется, «до одури» врубился в содержание романов Вальтера Скотта. С упоением полуночничал над книгами в ярко-красном переплете и золотой вязью имени автора и рыцарским мечом на коленкоре.

— Собрание сочинений этого, крайне популярного автора в фонде было единственным, — сказала ему тогда библиотекарь.

Потому за отдельными томами, с самыми интересными романами, приходилось становиться в

очередь.

Однако своего тогда Максимов добился, прочел все, чем были богаты библиотечные полки.

Потом это потребовало воплощения в реальности, когда на все летние школьные каникулы родители отправили его на попечение бабушки, живущей в пригороде небольшой узловой железнодорожной станции.

От поезда, на котором добрался самостоятельный паренек, было уже буквально рукой подать до места назначения.

На рейсовом автобусе докатил сначала до райцентра, а потом уже и до поселка на опушке соснового реликтового бора.

Их Пеликановка, названная так за бытность, когда-то, на местном озере этих неуклюжих птиц, теперь жила вовсе не рыбалкой и охотой, как прежде. В основном сельчане снабжали молоком и овощами со своих частных подворий работников и отдыхающих соседнего туберкулезного санатория.

Тот располагался непосредственно в сосновом массиве, будучи отгороженным его постоянной природной тенью от нескольких протяжённых улиц деревни Пеликановки. Что, в свою очередь, растянулись дворами и огородами, вдоль речушки с гольянами, только и водившимися под желтым ковром ряски в медлительном течении воды.

— Этот бор, будто самой природой уготован

стать подобием Шервудского леса «по-вальтерскооттовски», — сразу решил городской гость и многое сделал для воплощения своей мечты.

Благодаря фантазии новоявленного последователя романтического романиста, теперь в сосновом лесу будто бы завелись благородные разбойники во главе со своим предводителем Робин Гудом.

Их то и пытались «выкурить» что было сил, обряженные в колоритные латы, собственноручно собранные из жести расплющенных консервных банок, рыцари новоявленного «Короля Кентерберийского».

Просил тот своих «верноподданных» не о многом. А лишь о том, чтобы те называть его не полным титулом, а просто:

— «Сэрм Кентом».

На что Максимов не встретил тогда возражений сверстников, не менее чем он, увлеченных, по рекомендации своего вожака, романтическими произведениями старинного автора.

Ребята охотно включились в новую игру.

Всякий раз обнажали они деревянные свои мечи, выструганные из штакетника, когда к ним, на «родовую» территорию пытались проникнуть чужаки из санатория.

Проще говоря, свои же сверстники, посланные родителями за молоком для, отдыхающих у них, «диких» квартирантов. Среди них уж очень хорошо шел под молочко «Господин Фтивазид» — популярное тогда средство от заразной лёгочной болезни.

Все шло своим чередом пока, на беду, не появилось это рыцарское братство новоявленного Кента.

Вскоре его, на чём свет стоит, стали проклинать недруги. Уже без уважительного обращения «сэр» называя просто Кентом. При этом полагали, что она и есть самая настоящая ругательная кличка.

И поделом.

Ведь, множество молочных бидонов получили вмятины и были вывалены в дорожной пыли, пропитав её разлившимся «трофеем» псов-рыцарей «Короля Кентерберийского».

Чем так гордились меченосцы.

Пока, наконец, жалобы не дошли до бабкиных ушей. И городскому внучку строго-настрого было обещано:

— Отправишься обратно в город на выходные дни!

Оказия тогда выпадала вполне реальная, когда оправлялись на базар с товаром соседи-огородники, вырастившие на своих участках богатый урожай

огурцов, редиски и прочей «укропной зелени». Не говоря уже о знакомых грибниках с их лесным урожаем — тоже способных посадить сорванца в проходящий поезд.

В строгости бабки Сергей-Кент не сомневался. Как и в том, что раньше обещанного, она его из дому не прогонит!

Да и потенциальные провожающие среди недели исполнить свою роль просто не могли. Они преимущественно работали в подсобном хозяйстве санатория, где с утра до вечера находилось им дело на прополке и поливе, и уже потому не имели возможности увезти его до города в будни.

— Оставалось несколько вольготных дней до отцовской трёпки, — понимал Максимов-младший.

И уж тут за него готовы были стать горой недавние охотники за лесными разбойниками — «Псы-рыцари сэра Кента».

Они, все как один, из чувства протеста за своего гонимого предводителя, в один миг превратилась в ночную прожорливую огуречную «саранчу».

Причем, объектом для тайного сбора совсем маленьких пупырчатых огурчиков, так называемых, опупышей, выбрали они, вовсе не грядки на соседских огородах, как прежде всегда водилось, а плантации санаторского подсобного хозяйства.

В основном за то, что соблазнительной

приманкой, вообще отсутствующей на частных подворьях, был, вооруженный охотничьей двустволкой, сторож.

Этот ревностный страж санаторской собственности вносил особое чувство риска уже тем, что безжалостно стрелял зарядами крупной соли по любому шороху доносившемуся из ночной темноты.

— И уж тем более не промахнулся бы «огуречник» днем, — знали юные злоумышленники. — Когда цель для пальбы не скрывали сумерки.

Однако именно теперь лучшее время — ночь выпадало из распорядка Кента, подвергнутого строгому контролю бабушки.

«От греха подальше!» — она теперь запирала внука дома сразу после вечерней дойки коровы и крынки парного молока, выставленной на ужин «своему хулиганистому пострелу».

Но юного Кента и это не образумило.

— Ничего, господа рыцари, сегодня мы его и при свете дня подразним так, что запомнит на всю оставшуюся жизнь, — поделился планами с деревенскими приятелями, перед скорым расставанием, городской книгорассказчик. — Пусть потом бегают за вами без ружья.

— Ну, ты, даешь?

— Да он его из рук не выпускает! — раздался

ропот сомневающих друзей.

— И всегда дробовик на взводе.

— Это к вечеру! — категорично стоял на своем приезжий выдумщик. — А днем, когда сторож обедает у костра, вполне можно утащить ружьишко из его шалаша!

Внезапная тишина, наступившая после обнародованного плана, ничем не напоминала, ожидавшуюся Кентом, реакцию на столь интересное предложение.

Все же, обирать огуречные плети, здесь считалось больше баловством, чем делом подсудным. Не то, что кража оружия у сторожа.

Струхнули «Псы-рыцари», поняв, что тут одними разговорами «за жизнь» в кабинете участкового уполномоченного районного отдела милиции, да родительской поркой, не обойдешься.

Унылая нерешительность недавних подчиненных не осталась незамеченной предводителем.

— Ладно, ребята, не бойтесь! — понимающе махнул рукой автор идеи. — Главное беру на себя.

Он ободряюще подмигнул деревенским «лапотным» друзьям. Всем, кто в тот момент прямо уставился на него, будучи обуреваемыми противоречивыми чувствами:

— И страхом и показать испуг, и нежеланием соглашаться на столь опасную проделку.

— Мне, все одно, бояться нечего, послезавтра нужно обратно в город сматываться, — рассмеялся Кент. — Старуха уже предупредила, чтобы собирал вещи, и не думал возвращаться к ней в гости, пока не поумнею.

За напускной грубостью Кента все же чувствовалась его немалая обида за такое решение судьбы. Ответным шагом на неё, и могло стать это, готовящееся «перед расставанием» и крайне рискованное «приключение» с похищением у сторожа дробовика.

Разговор проходил на песчаном, нагретом до обжигающего жара, под полуденным солнцем, бархане у самого поселкового пруда.

Он был устроен здесь когда-то санаторием под водохранилище для полива аллея, а попутно и на радость ребятам. Ведь водоем с годами стал ещё и отличным местом купания. А не только накопителем воды на поливочные нужды того самого подсобного хозяйства, сторож которого, ничего не подозревая о замыслах юных недругов в ту минуту занимался своим обычным делом.

Как показала разведка «псов-рыцарей», он как раз спокойно доваривал обед, состоящий в основном из похлебки, в которую пошли голуби, метко подстреленные им ещё утром, на здешней же плантации гороха.

— Не имело потому смысла дожидаться

окончания гастрономической процедуры, — на свой страх и риск, прекрасно понимал инициатор проделки.

Потому, не теряя больше времени, ватага разжалованных «рыцарей» — кто нехотя, а кто и бойчее потянулись вослед своему вожаку, уже твердо принявшему окончательное решение и готовому на все ради достижения цели...

Заросли краснотала, густой стеной отделявшие пруд от «казённого» огорода, окончились прямо у забора. Изрядно охладив пыл друзей.

Но только не Серёги-Кента, которому, после смелого заявления перед сверстниками о грядущем «подвиге», ничего не оставалось, как точно по плану, — лезть в, накрытый сухим сеном, шалаш. Туда, где хранил сейчас свой дробовик, ненавистный озорной ребятне, охранник помидорных грядок, арбузных бахчей и огуречных плантаций.

Пока другие участники «прощальной акции» занимали исходные позиции для набега в других местах обширного огорода, чтобы в случае чего отвлечь внимание сторожа, Кент уже полез к его обители-временке.

Благополучно миновав открытое для взора сторожа, пространство, он юркнул внутрь сооружения, удачно избежав внимания строгого, но

невнимательного мужика, который в тот момент стоял, беспечно повернувшись спиной к шалашу и лицом к угольям костра с, кипящим на них, варевом.

— Да и чего было прислушиваться к шорохам за спиной? — полагал, видимо, он. — Коли, прежде никогда днем не бывало еще, до сей поры, угрозы овощному санаторскому урожаю.

Помешивая ложкой в, аппетитно пахнущей кастрюле с голубями, сторож со вкусом предвкушал наслаждение от предстоящей трапезы.

Так бы и было.

Все могло обойтись, как он предполагал, если бы к той поре не изменил своего мнения Максимов. Не хуже, чем в лучших романах Вальтера Скотта, чувствованием ватагой героя, могло бы завершиться приключение. Могло, если бы «повару» не понадобилась щепотка соли.

Отправившись за ней, здоровый мужик прямо у лаза в шалаш столкнул с, выносящим оттуда, с его ружьём, подростком.

Реакция была мгновенной и у того, и у другого.

— Да я тебя, оголец! — заорал скорее инстинктивно, чем угрожающе, сам оторопевший от такой детской наглости, сторож.

Громкий голос, свирепое выражение лица и сжатые в кулаки, настоящие клешни здоровых

мужицких рук, не могли не напугать подростка. В душе Кента сам собой сработал инстинкт самосохранения.

Вскинув к животу перед собой, как оказалось, заряженную, берданку незадачливый воришка нажал на курки.

Дублетом — из обоих стволов оглушительно бабахнуло на всю округу. Вперед рвануло пламя выстрела, метнувшего прямо в лицо жертвы солевые заряды.

...Крик, матерщина сторожа и плачь, попавшегося «предводителя рыцарей» были последним, что слышали, разбегавшиеся по сторонам, мальчуганы из недавней свиты городского, такого шустрого на выдумки, сверстника.

...Расплата последовала незамедлительно.

Зрение сторожу вернуть не удалось.

А вместе с ним, пропала и «светлая будущность» у невольного стрелка. По суровому приговору суда ожидала того воспитательная колония, после совершеннолетия Сергея Максимова, сменившаяся для него навсегда уже вполне «взрослой зоной».

И там, когда ему исполнилось восемнадцать, Кент уже не представлял себе иной судьбы.

После первого освобождения по отбытию наказания, вскоре последовало новое «Уголовное

дело». Как впоследствии оказалось, навсегда укоренившееся в воровской среде очередного профессионального преступника, бывшего некогда простым «шалуном-огуречником».

Авторитет Сергея Афанасьевича Максимова среди новых приятелей — уголовников рос тем быстрее, чем чаще, забывая паспортные данные, называли они его, самочинно присвоенным, именем древнего кельта. Правда, уже никак не связывая именно этого Кента с тем, что когда-то сошел со страниц исторических романов.

...Первый раз тезок — двух Сергеев — Калугу и Максимова судьба свела еще на таёжной зоне.

Там, в условиях обычного исправительно-трудового учреждения строгого режима один заживо гнил в ядовитых испарениях цеха пропитки железнодорожных шпал и телеграфных столбов, а другой — довольно сносно существовал в качестве «смотрящего» над зоной.

Тогда, на этом неофициальном «посту» у авторитетного Кента было все, что только мог он себе пожелать.

— Для полного счастья не хватало только сущего пустяка, имеющегося у тех, кто жил на «воле», в виде прописки по месту жительства, — считал он сам. — Ведь, пока отбывал по приговору народного очередной срок наказания, отсутствовали права «избирать и быть избранным».

Что, впрочем, не казалось ему, до поры до времени, очень серьёзной потерей, так как вожаемая всеми осужденными, свобода манила вовсе иными радостями.

Ну а пока, за колючей проволокой, лишними были любые «не по понятиям» контакты с представителями законной власти.

Кент фактически решал по собственному усмотрению:

— Кого, из таких же, как он — осужденных карать, или миловать?

И при этом невольно обратил своё внимание на настырного новичка, заслужившего «такую честь» своей стычкой с лагерным начальством.

Руководство колонии в ходе конфликта, поступило с отступником соответствующим образом. Отправило осужденного за, приписанное ему, убийство, Сергея Калугу на медленное истощение в самый последний круг местного ада. Где, даже за общей колючей проволокой охраняемого периметра «запретной зоны», было самое ненавистное место, медленно и верно отнимавшее силы и душу в едких химических испарениях.

Кент, уже было, решил тогда привлечь парня к более близкому знакомству. Но все случилось помимо воли авторитета, смотрящего за зоной.

Калуга тогда сам — безо всякого приглашения

попросил о встрече.

Когда же получил согласие, пришел в барак к Кенту не с пустыми руками, а с платой за организацию ему побега в виде драгоценного камня.

Необычной красоты рубин, даже без огранки годился в золотую оправу, чтобы украсить любой светский раут для лиц королевской крови. О чем когда-то, в детских мечтах о рыцарском счастье, столько грезил предводитель санаторской ватаги.

В том, что рубин, преподнесенный парнем, действительно стоил «За бугром» никак не меньше миллиона «зелёных», Кент узнал в тот же вечер, когда драгоценность попала ему в руки.

Ведь, среди контингента осужденных тогда находился соответствующий специалист — беззубый старик-ювелир, попавший в «места не столь отдаленные» за махинации с приисковым золотом и валютой.

Он охотно согласился оценить «камушек», протянутый ему «на комиссию» всемогущим теневым владыкой лагерной зоны. Ожидая обычную дешёвую подделку или в лучшем случае копию — так называемый страз.

Но действительность превзошла все его предположения.

Едва взглянув через лупу на, освещенный светом из окна, кристалл, ювелир невольно издал

воплъ восторга.

По нему, да ещё заметив, как внезапно задрожали пальцы старого пройдохи, державшие красный кристалл, Кент убедился, что прав Калуга, просивший его о помощи! Цену за неё он готов был платить действительно высокую, какую, судя по всему, ещё никому, и никогда, никто не сулил за подобную «пустяковую», услугу.

И не только на этой зоне, но и, ни в одном другом из Российских учреждений исполнения наказания.

Однако понять то он понял истинную цену камню, только не спешил уходить из барака со своим сокровищем. Послушал со всем вниманием до конца восторженные эпитеты в адрес уникального рубинового «карандаша». Пока эксперт не стал повторяться.

— Исчерпал свои познания по части минералогии, — догадался визитер. — Но не смеет остановить красноречие, дабы не прогневить всесильного в этом лагерном мирке, авторитета.

Лишь после этого Кент распорядился выдать старому ювелиру обещанный щедрый гонорар — кулёк с колбасой, сахаром и чаем. Стал он еще и платой ювелиру, за его молчание о рубине.

Тогда как на самом деле, другим из своей «свиты» приближенных Кент велел той же ночью, придушить старика:

— Пока тот «не раскололся» перед начальством о том, что увидел в бараке у Сергея Максимова.

Что и было исполнено теми, так аккуратно с помощью подушки, что выглядела кончина пожилого ювелира, как обычная смерть от старости.

Разумеется, пользовавшийся неограниченной властью на своей «зоне», Кент то же самое, вполне мог бы сотворить и с предьявителем рубина. Да только не спешил с расправой. Так как до конца не был уверен в том, что «с воли» кто-то действительно не «стукнет» операм про камень.

О чем и предупреждал его Сергей Калуга.

— Тогда простой «шухер», поднявшийся после побега, — на самом деле, оценил Кент. — Покажется всем в лагере детской забавой, по сравнению с перспективами попасть в жернова следствия в связи с незаконным оборотом драгоценных камней.

Но, честно говоря, был у смотрящего и свой резон «подставить» этим побегом местное начальство:

— До той поры оказывавшее ему и некое покровительство и послабления в обмен на гарантии зековского послушания, под строгим доглядом смотрящего.

Просто с последним этапом в исправительное учреждение пришла Кенту малява —

весточка-письмо от друзей с воли. В ней говорилось, что ему нужно делать в ближайшее время.

Якобы, московские партнёры их лагерного начальства по изготовлению в их лесной колонии — ИТУ, срубов дачных домов и возведению готовых строений уже в районе столичного пригорода допустили «косяк».

Мол, в чем-то «перешли дорогу» важным людям из криминалитета. А потому, самым лучшим предупреждением начавшегося под «ментовским присмотром» «дачестроительного бизнеса», могло бы стать самое серьёзное нарушение режима!

Из-за которого, по уверению автора малявы, обязательно последуют оргвыводы со снятием погон.

— Вот здесь и был бы очень даже кстати успешный побег любого заключенного, а не именно Калуги! — вслух проговорив от радости себе самому под нос, решил тогда Сергей Максимов. — Очень своевременным будет побег, да еще, организованный опытной рукой и с особой дерзостью.

К той поре сам проект у него уже имелся, как отбыть за «периметр» в тайнике, среди штабеля брусьев именно «неудобного кому-то» сруба для дачи, груженного на платформу товарного состава.

Ещё же один резон — действительно помочь

терпиле, незадачливому в трудоустройстве, лагернику с организацией и осуществлением побега, тогда напрашивался сам, что называется, собой.

Из умной заграничной книжки, утверждавшей, что не нужно скупиться на добро, если оно тебе ничего не стоит, Кент вывел окончательное решение:

— Авось еще сведет судьба наши дорожки!

На душе оставалась и затаённая мыслишка о том, что, возможно, на воле спрятал Сергей Калуга еще где — меньшего «брата», а то и настоящего брата-близнеца того ценнейшего рубина — миллионника?

И, так оказалось, что много лет назад, он как в воду смотрел!

Не смотря на то, что сам Кент, потерял из виду своего бывшего крестника, и почти успокоился насчет предполагаемых рубинов, судьба вдруг сама напомнила ему о пережитой встрече с предьявителем уникального кристалла.

Кент уже и разыскивать того перестал.

Слышал только, мол, сняли с того прежнюю судимость и реабилитированный беглец, чуть ли не обратно в армию подался.

Пока имя Калуги не назвал ему «на ухо», приговоренный к смерти генерал из печально знаменитого столичного следственного изолятора.

...Туда авторитет попал по явной «ментовской подлянке».

Отправился на встречу с другими такими же «коронованными» жожаками уголовного сообщества на, предоставленном ему партнёром, «Мерседесе». В багажнике его устроители облавы, будто бы «совершенно не случайно» и отыскивали криминал.

Это был, принадлежащий, якобы, ему и нигде не зарегистрированный, газовый пистолет импортного производства «Рекс-Агент», переданный под стрельбу боевыми малокалиберными патронами.

Следователь особо не церемонился.

— Год у тебя за «ствол» уже есть! — заявил он подследственному. — Колись до конца, чтобы еще больше к нему не намотали!

Впрочем, оказалось, что можно было легко выйти отсюда на свободу гораздо быстрее и по-чистой!

В приватной беседе, устроенной им в комнате для допросов, не стал скрывать особых условий возможной сделки, хороший знакомый Кента еще по прошлым делам, хлыщ из следственного отдела:

— Нужно лишь кое в чем помочь.

На что Кент согласился далеко не сразу.

— Вы, гражданин начальник, наверное, забыли о моих принципах, — с показным

негодованием возмущился тогда авторитет. — Да и против моих адвокатов ваша подстава много не потянет.

Но и далее собеседник в штатском, как, оказалось, был готов убеждать, да ещё и более вескими аргументами.

На стол перед Кентом веером легли протоколы экспертиз. Пусть и подозрительно смахивали они своей однообразностью друг на друга, но из разряда таких улик, против которых не попрешь:

— Со ссылкой на пальцевые отпечатки.

Следователь добавил к вышесказанному:

— Не сомневайтесь, вещественное доказательство самое настоящее!

И уже видя, что удалось окончательно убедить Максимова согласиться на сотрудничество, перестал «Валять Ваньку».

— На судимость за нарушение «Закона об оружии» вполне потянет, — услышал Сергей Афанасьевич. — Если, разумеется, не сговоримся по-доброму.

Отклик сам требовался в ответ на столь радужную перспективу.

— Что для этого нужно? — неохотно использовал Кент, предложенный ему, шанс уйти от липовой ответственности.

Резонно полагая при этом, что простой

интерес, еще не означает полное согласие к сотрудничеству. Тем более что и прежде, бывало, «контачил с красноперыми».

— Вот так-то оно лучше будет! — полностью перестал куражиться собеседник, адресуя «шпильки» в сторону, сидевшего против него, подозреваемого.

Он понизил голос почти до шепота.

— Генерал тут один с Кавказа, мой бывший коллега, язык готов развязать длиннее положенного, — произнёс следователь и в том же духе поставил перед уголовным авторитетом задачу. — Хорошо бы укоротить.

Видя, вдруг появившийся интерес в глазах Кента, еще не имевшего прежде власти над судьбами настоящих генералов, чиновник уточнил:

— Пока держим в камере, почти рядом с той, где Вы располагаетесь.

И продолжал так, как будто говорят о давно решённом договоре на простую бытовую услугу.

— Так, что просто нужно будет прогуляться, проконтролировать, — на стол перед Максимовым легла фотография обречённого. — Главное, чтобы с ним очень аккуратно обошлись.

Тогда и узнал Кент про обязательный след от петли на шее:

— Без явных следов насилия.

...И сокамерники, уготованного на смерть,

Никифорова, якобы, по недосмотру властей следственного изолятора, оказавшегося в общей камере, тогда подобрались не случайные, а в полном соответствии с, отведённой им, ролью.

И тоже, как позже стало ясно Кенту, не без ведома «верхов»!

Тех чиновников, которые были кровно заинтересованы в расправе над бывшим генералом, вроде того самого деятеля из следственного управления.

При непосредственном их содействии был беспечен обреченный «коллега» «контингентом» сидельцев, уже знакомых с авторитетом и готовым на все по одному знаку Кента.

Как он впоследствии узнал, за эту помощь, его «братишкам-душегубам», была обещана «амнистии по-тихому», воспринятая с энтузиазмом.

— Только не ведали оба сокамерника генерала истинную цену себе самим после того, как «мавр сделает своё дело», — посмеялся над простодушными мокрушниками, какими на деле оказались эти лохи, их недолгий камерный шеф. — Такие свидетели сами по себе долго не живут!

Но тогда вовсе не по их вине, а исключительно по причине гнилых простыней процедура казни несколько затянулась. И как казалось — в пользу Кента. Ведь, тогда он и услышал от обречённого генерала удивительные

откровения.

В них фигурировала фамилия и имя Сергея Калуги, связанного с давней афганской историей. Той самой, что наконец-то проливала заодно свет и на тот уникальный рубин из таёжного лагеря, что, как прекрасно помнит Кент, выручил беглеца, и на сотни килограммов других драгоценных самоцветов из одного с тем рудника.

— Их сбросил именно сержант Калуга с вертолётa в ущелье Сары-Бут, — перед самой смертью, лёжа в путах на бетонном крашеном полу камеры, утверждал Никифоров своим палачам, рассказывая им во всех подробностях о трагической операции группы спецназа военной разведки из бывшей своей бригады.

— Теперь, оказавшись разоблаченным нынешней властью по милости того самого Сергея Калуги, подследственный генерал, — как оказалось. — Просто не желал так легко и неотомщено, расставаться с жизнью.

И все же, Максимов, «клюнув» на приманку, предложенную ему, уже обреченным на смерть генералом, даже не мог и подумать о другой стороне дела.

О том, что Никифоров в тот страшный для себя миг готовил не только месть Калуге руками уголовников. Но и их самих — своих убийц собирался подставить под разящий меч возмездия.

Уже тем, что обреченный политик не сказал ни слова о причастности Сергея Калуги к такой серьезной организации, как «Контора Айболита». Где за иного своего человека, порой, могли не пожалеть никого на свете.

Вместо этого, «душители» с интересом послушали исповедь человека, на их взгляд, лишь откровенно жаждущего даже перед неминуемой смертью лишь добиться мести обидчику!

Крайний интерес, вместе с Кентом, проявили также двое других уголовников, присутствовавших при разговоре. Не ведая, что тем самым во второй раз обрекают сами себя на подобный же скорый и незавидный финал.

— Первой расправой, — нисколько не сомневался Кент. — Станет «карачун» от заказчика, готового пощадить только, выгодного ему, авторитета.

Но, ни за что на свете, не желавшего иметь в живых столь важных свидетелей.

Уголовников, способных проговориться в недобрый час о том:

— Как же на самом деле скончался коррумпированный генерал.

Хотя, не только министерские продажные чиновники, могли теперь жаждать, ещё большей секретности в той истории.

Как созрело в голове у руководителя казни:

— По всему выходило, что именно он сам, был тем другим, кто бы хотел избавиться от свидетелей.

От подельников, случайно, как и он сам, услышавших всё сказанное генералом в этой камере следственного изолятора.

Довольно быстро Максимов понял, что выгода от владения информацией, способна обернуться баснословными барышами уже тем, что сулила рубины, сброшенные на один из ледников Памира.

Особенно поверил Кент в грядущую удачу, когда Никифоров, подробно поведал про сокровища, поджидающие смелого человека в высокогорье, и заодно подсказал ему, где найти ту «ниточку», потянув за которую, легко можно будет повести единственного свидетеле сброса «рубинового балласта» туда, куда нужно.

Даже «на ножи»:

— Как телка, уготованного к забою.

О ней, этой самой верной «ниточке» генерал сам, по его словам, узнал совершенно случайно:

— Выведал из разговора с Калугой на горном биваке с, излишне разоткровенничавшимся тогда перед ним, отставным гвардии сержантом спецназа ВДВ.

Прежде неизвестный Максиму паренёк — Вадим Потапов, оказывается, был несказанно дорог

однополчанину.

— Именно воздействуя на него, на этого ребёнка, легко можно осуществить необходимую «дрессуру» нашего геройского десантника в том направлении, какое потребуется для достижения цели! — такими оказались едва ли не последние слова Никифорова, перед тем, как очередная, более крепкая удавка из простыни, окончательно прервала его брэнное существование.

А уж найти обоих — Вадима Потапова и Сергея Калугу в Москве для Кента было проще простого.

После чего оставалось проявить всего лишь немного настойчивости и самой обычной наблюдательности. И можно было начинать просчитывать все варианты новой встречи с бывшим «крестником» по лагерю, откуда парень смог спастись, только благодаря помощи старого знакомого.

Но, как оказалось, «чисто гражданские» дела преподнесли меньше хлопот, чем те, которые касались прошлой армейской службы обоих — покойного ныне генерала Никифорова и здравствующего пока, сержанта запаса Калуги.

— Более сложной задачей стала, добыча их архива Генштаба, — в чем и убедился Кент. — Подробных документов о том, что в действительности произошло в горах на борту

флотского вертолѐта «Ка-32».

Машина улетела тогда совершенно новой, по своему устройству, сборке и предназначению. Можно сказать, прямо с завода, много лет назад, попала в лабиринт заоблачных вершин — семитысячников. Гиндукуша. И, как гласили вожделенные бумаги, вернулась обратно без, захваченного на руднике, груза.

Зато, с окровавленным пассажирским салоном и простреленными бортами. О чем уже можно было и не докладывать в столь высокие инстанции.

Глава третья

...Встреча давних знакомых под лепными сводами «Праги» ничем не особенным отличалась от других — им подобных.

Все же, как ни говори, не мало, самых разных, разбросанных судьбой, людей именно здесь назначали друг другу свиданья и деловые контакты. Тем более что этот ресторан издавна был и оставался теперь излюбленным местом...военных и уголовников.

Подтверждением чему и стало рандеву лагерных знакомцев.

— Сергей Афанасьевич Максимов? Если не ошибаюсь! — совершенно ровным голосом, помня о прошлом и, очень серьезном, их различии в

лагерной иерархии, вежливо спросил Калуга.

Он и теперь, на гражданской свободе, далеко за пределами «лагерного жестокого мира, отдавал себе отчёт о том, с кем вновь оказался лицом к лицу. Ведь, Калуга, в роли простого инструктора клуба альпинистов, туристов и горнолыжников, да ещё с правами дворника и разнорабочего, прекрасно понимал, кто сидит перед ним. И старался, соблюдать свою основную «легенду».

Делал это, что называется, на автомате:

— Как в целях не столько собственной безопасности, так и конспирации. Именно они строго требовали от него соблюдения правил начатой игры. В том числе — ни на одно мгновение не забывать о, продолжавшем существовать между ними, огромном различие в социальном статусе. Пусть даже совсем уже другого качества, чем прежде.

О чем просто не мог догадываться обычный уголовный авторитет, не посвященный в тайны государственной безопасности.

— И не стоило его разочаровывать насчет произошедших перемен! — рассудил в ту минуту Сергей. — Для чего следует придерживаться прежнего образа поведения в общении с авторитетнейшим «паханом зоны» такого простого «мужика», каким раньше был он. Да еще настоящим терпилой из незавидной бригады

пропитчиков пиломатериала
тошнотворно-ядовитым креозотом.

Благо, что сделать это было легче, по случаю освобождения обоих. Причем, с официальной полной реабилитацией Сергея Калуги.

Но, внешне, между ними оставалась прежняя — незримая межа.

— Потому, — по мнению, горнолыжника, охотно присоединившегося к трапезе басино. — Не следовало сразу выходить «за флажки», некогда принятых «волчьих законов» зоны.

Так он и поступил.

По праву, в свою очередь, ожидая подобной же, ответной реакции Кента на выполнение его просьбы.

...Даже лучшее место в ресторанном зале, хрусталь на столе и сверкающий мельхиор обеденных приборов, почти не изменили сущности старого знакомого.

Просто напоминали, что здесь — в обществе свободных российских граждан есть у него и фамилия — Максимов, а не только, довольно странная в грубой воровской среде, англоязычная кличка:

— Кент!

— Впрочем, — как понял сейчас Калуга. — Авторитет и сам не особо гнался за внешним лоском.

Даже оказавшись принятым в столичное криминальное сообщество, он не изменил прежним провинциальным привычкам.

Из-под ядовито зелёного кашемирового пиджака, выглядывала клетчатая сорочка, что называется, «От-Версачи». А вместо галстука, на его шее имелось украшение в виде золотой цепи. Оно тускло блестело драгоценными, причудливо переплетёнными звеньями из-под трёх расстегнутых верхних пуговиц сорочки.

Все же вместе, это нагляднее любой форменной одежды говорили любому о личности их обладателя. Тогда как, для особо внимательных лиц, достаточно знакомых с такого рода персонами, облик преуспевающего «нового русского» отличался в главном.

Его дополняло бледное, без тени загара, худое лицо недавнего сидельца. И становилось ясно, что он получил этот, своеобразный «магаданский оттенок загара» в местах, пусть даже не столь отдалённых от столицы, как крайний север.

— Ведь, даже там, как и на любой зоне, в каждом исправительном учреждении можно погреться, если повезёт, на полуденном солнышке, — по собственному горькому опыту знал Калуга. — Это же полное отсутствие солнечного загара ненавязчиво говорило о долгих годах, безвылазно проведенных именно в «крытке»

— зловонной, переполненной обитателями, тюремной камере.

Между тем, уважительное обращение долгожданного гостя явно пришлось по душе хозяину застолья.

Он ответил и благосклонным кивком, и радушным приглашением:

— Давно жду.

После чего последовало указание худым костлявым пальцем, с нанизанным на нём массивным золотым перстнем:

— Присоединяйся!

Сергей в точности выполнил то, что ему было велено.

Послушно и без всяких дополнительных слов присел на, пододвинутый для него официантом, фирменный — тяжёлый деревянный стул с высокой, обитой кожей, спинкой.

При этом ещё успел отметить, что и прежде — за колючей проволокой Кенту не приходилось пенять на судьбу и окружающих, за отсутствие любимого питья и вкусных разносолов. И там, имея суровый авторитет среди уголовного элемента, «смотрящий зоны», нисколько не голодал.

— А тут и подавно не поскупился на заказ! — убедился особый гость столь необычного знатока гастрономии.

Тогда как сам спортсмен-горнолыжник, в

своём снеговом обличи так не походивший на прочих посетителей «Праги», не смог скрыть отчуждённости от ресторанных традиций, порядков и окружения. Среди которых сам Кент чувствовал себя как рыба в воде.

Тарелка чуть ошипанного вилкой салата соседствовала рядом с, наполовину опорожненным, графинчиком коньяка. Тогда как остывший, почти не тронутый кусок деликатесной «ненашенской» мраморной говядины «умеренно поджаренной с кровью» ещё больше напоминал о наступившей пресыщенности сановного едока, чем об отсутствии у него аппетита.

— Хотя само, выпитое без закуски, спиртное, — по наблюдению Калуги. — Совсем не сказывалось на мрачном настроении Кента.

Между тем, басино вполне вошел в роль человека, дружелюбно пригласившего Сергея разделить с ним скромное застолье:

— С чем Бог послал!

Убедившись в покорности гостя, Кент нехотя растянул в ответной улыбке свои тонкие бледные губы, произнося традиционное:

— Привет, тёзка!

После чего, не дожидаясь реакции Калуги на свои слова, разразился целой и довольно пространной тирадой:

— Вижу, что узнал. Ну и хорошо. Не нужно

лишнего толковища. Топтания вокруг, да около. Сразу к делу. А пока...

Переведя взгляд с гостя, безропотно внимавшего Кенту, на, демонстративно, по-лакейски склонившегося с блокнотом в руках, официанта, важный клиент довольно жестко добавил:

— Что стоишь как столб.

Он и тут не полез в карман за словом.

— Пора бы научиться обхождению, — обрушилось на официанта. — Убрать приборы и по новой накрыть мне и моему другу!

Два раза повторять распоряжение ему не пришлось.

Проворно подхватив со стола, почти не тронутые, блюда официант совершенно бесшумно удалился.

Следом, мягко ступая лакированными туфлями по коврам, уже спешили сюда с кухни его коллеги с подносами, уставленными заказанными ранее разносолами.

...Сама приглушенность обстановки, с чуть доносящейся с эстрады музыкой и звяканьем приборов за соседними столиками, нисколько не обманула гостя.

Да и, по мнению самого Кента, вряд ли можно говорить начистоту, как есть, опасаясь, при этом, всевозможных микрофонов, которые научились

теперь очень ловко и профессионально заделывать куда угодно. Вплоть до столешницы, прикрытой хрусткой от крахмала, белоснежной скатертью. Или в той же вазе с «натюрмортом» из спелых яблок, душистых персиков и, удивительно прозрачного, винограда, которая тоже была под подозрением настоящего хранителя секретов.

— Как-никак пьяная болтовня завсегдаев «Праги» — военных интересовала многие «уши», снабжавшие своих клиентов самой разнообразной информацией, — о чем, в свою очередь, тоже был прекрасно наслышан Калуга.

От того он полагал, что, скорее всего, прямого разговора может здесь сразу не получиться.

В этих своих предположениях гость не ошибся. Кент не спешил переходить к делу, заставившему их встретиться.

Сначала он щедро, что называется, до краёв, набулькал себе и Калуге в пузатенькие коньячные рюмки, рубином искрящегося, при свете множества ламп «Хеннеси».

Но, затем, привычная деловитость завязтого выпивохи сменилась изысканностью, ухваченной на примере других посетителей ресторана. Прежде чем самому отправить ее содержимое следом, за уже выпитым, Кент с наигранной доброжелательностью улыбнулся.

И речь повёл, подтверждая версию о своей

боязни подслушивающих микрофонов, с вещей, совершенно сейчас, второстепенных. Совсем не с того, ради чего Калуга спешил сюда — в «Прагу»:

— Приобщайся, брат!

Его хлебосольство, казалось, не знает границ.

— Наверное, не скоро придётся повторить сие изобилие, — услышал Сергей. — За все уплачено сполна.

Максимов расхохотался:

— И даже за то, что еще душа захочет вдогонку.

Легкая вычурность речи, густо сдобриваемая словечками из литературного лексикона любимых Кентом романтических героев, вот как теперь, далеко не часто проявлялась у жесткого в поступках, авторитета. Лишь тогда, когда ему, по собственному выражению, хотелось блеснуть начитанностью и «эрундицией».

Исключительно на «фене» — витиеватой «музыке» блатного жаргона, изученной им досконально и артистично применяемой, он общался в одном кругу — уголовном. Зато на светский, по его мнению, разговор переходил, подчёркивая свое понимание личности «цивильного» собеседника.

Только сейчас время не ждало. Требовало поскорее решить вопрос с исчезновением ребенка, что теперь было для гостя главным.

Не очень близко знал Сергей Калуга Кента, но и без того, догадывался о том, что мотивом встречи стала вовсе не ностальгия, не тоска по давнему общению в «почетном» — паханском углу лагерного барака.

Имелся у того совершенно иной повод для телефонного звонка с приглашением:

— Вместе отобедать в «Праге».

И дальнейшее развитие разговора полностью подтвердило и эти мысли Калуги, что была особая причина у Кента вырвать сюда, под своды роскошного ресторана, рядового инструктора Клуба туристов, альпинистов и горнолыжников из его привычной обстановки — горных лыж и слаломных трасс.

Да и Калугу совсем не желание отобедать со старым знакомым забросило прямым под матовые лучи роскошных люстр знаменитого ресторанного зала.

— Пора бы прояснить ситуацию! — надеялся он.

Пока же, в самом начале обеда, Кент вовсе не торопился открывать свои карты в игре, по одному ему известным правилам:

— Или не уважаешь коньячок?

Он, оказалось, заметил игру чувств на лице собеседника, пока щедрой рукой разливал по рюмкам «Хеннеси».

— Тогда можно — чифирец! — без намёка на иронию, продолжил Кент.

С этого самого момента, смысл слов, вошедшего в раж, подвыпившего басино пришлось различить из невнятной процедуры его одновременного разговора с жеванием лимонных долек. По его вычурному заказу — «как цари любили»! То есть, с ароматной кофейной пылью.

Как следовало из всего этого, Сергею, на самом деле, необходимо было менять, выбранную им, тактику общения, чтобы не ввести собеседника в соблазн полного господства. Для чего, прямо сейчас, до разговора о самом главном, требовалось показать ему свой собственный характер.

Потому Калуга, не смотря на тревогу, поселившуюся с самого утра, в его душе, не стал торопить события, не выдал раньше времени своё желание скорее узнать про судьбу мальчугана.

Он охотно включился в игру, предложенную Кентом, правила которой, сформулировали ещё задолго до рождения и его самого, и пращуров в простой, как удар ножа, формуле:

— С волками жить, по-волчьи выть!

Наколов вилкой хрустящий грибочек из глиняного горшочка с солониной, он сам, не дожидаясь соизволения хозяина положения, потянулся к графину. Но при этом для отборного марочного коньяка выбрал иную «тару» чем его

«ударившийся в аристократизм», сотрапезник.

Почти до краёв наполнил глубокий фужер, предназначенный для шампанского, а не стограммовый хрустальный «наперсток», предложенный Максимовым.

После чего поднял свою «львиную долю» коньяка над столом:

— Как мне полагается, пью «штрафную»!

Тем самым дав понять, что опоздал не по своей воле, а лишь потому, что поздно получил приглашение.

— Вы, Сергей Афанасьевич, раньше меня начали бухать, а мне за позднее появление «штраф» не предложили, — заявил он. — Так я сам прямо сейчас попробую честно с Вами подравняться...

Кент, лишь вначале опешил от такой выходки.

Но, затем вновь пришёл в себя, обретя прежнее — дурашливое настроение, от поступка гостя.

Его, не очень-то искренний в тот момент, хохот с широко раскрытым тонкогубым ртом и, выступившими по краям глаз, слезинками, была ответной реакцией на показную жажду Сергея.

Хотя, возможно, не утаилось от, занятого сейчас распитием коньяка из полного до краёв фужера, Калуги, что за наигранным смехом авторитет просто пытался скрыть собственное смущение. Вызванное дерзким поведением, как